

Энигматист (Дело о Божьей Матери)

Автор:

[Артур Крупенин](#)

Энигматист (Дело о Божьей Матери)

Артур Борисович Крупенин

Глеб Стольцев #2

Во второй книге, продолжающей серию детективов о Глебе Стольцеве, главному герою предстоит разгадать загадку, связанную с кражей из московских музеев двух очень похожих между собой икон. Кто и зачем похитил «Богородиц» работы неизвестного мастера? Какая тайна кроется за старинным изображением Божьей Матери и Младенца Иисуса? И, наконец, что может быть общего у римского императора, правившего более полутора тысяч лет назад, с иконами, присланными в дар русскому царю? Лишь найдя ответы на эти непростые вопросы, Стольцев и другие участники поисков смогут выйти на след пропавших святынь.

Артур Крупенин

Энигматист (Дело о Божьей Матери)

© А. Крупенин, автор, 2011

© Издательская группа «Арбор», 2016

Посвящается Кузе

Я верю в древность и люблю ее.

Конфуций

Москва, Кремль

Директор музеев Московского Кремля Ирина Сергеевна Зарецкая очень ценила эти тихие ранние часы. Она любила приезжать на работу задолго до прихода подчиненных, когда каждый сделанный в полной тишине шаг гулко отдавался загадочным эхом в бесконечной паутине средневековых коридоров. А еще так можно было обмануть парализовавшие центр города пробки и спокойно поработать, не отвлекаясь на звонки, прием посетителей и прочую ерунду.

Отложив в сторону черновик своей речи на завтрашнем заседании попечительского совета, Ирина Сергеевна помассировала виски и бросила взгляд на настенные часы. До начала рабочего дня оставалось десять минут.

Зарецкая перевела взгляд на тщательно упакованный сверток, стоящий напротив ее стола. И хотя отправка древностей на реставрацию была делом привычным, Ирина Сергеевна всегда с трудом расставалась с экспонатами, даже зная, что это всего лишь на время. Будь на то ее воля, она бы предпочла все работы проводить непосредственно в Кремле, не подвергая уникальные произведения искусства вредоносным перепадам температуры и влажности, уж не говоря о разрушительном воздействии вибраций при транспортировке. В действительности же экспонаты приходилось отправлять в Государственный научно-исследовательский институт реставрации, или попросту ГосНИИР, где опытные специалисты кропотливо восстанавливали утраченные цвета и краски убеленных сединами шедевров, бережно залечивая шрамы, оставленные безжалостным временем на невинных ликах святых великомучеников.

Разумеется, Зарецкая прекрасно знала историю иконы, приготовленной к отправке. Когда-то она была любимой святыней русских царей. Сопровождала их в военных походах, поднимала на решающий штурм, утешала в минуту поражения. А в мирное время «Богородица» занимала почетное место на аналое в самом центре Патриаршего Успенского собора.

И так год за годом, век за веком. А потом икону стали понемногу забывать. Ее выносили все реже и реже, отдавая предпочтение другим образам.

«Любопытная вещь, – подумала Ирина Сергеевна. – Выходит, изменчивая мода распространяется не только на покрой юбок и длину волос, но и на святых? Рано или поздно они тоже изымаются из употребления подобно устаревшим фасонам».

Размышления Зарецкой прервал телефонный звонок. С проходной бодро сообщили о прибытии машины реставраторов. Директор машинально взглянула на часы. Восемь пятьдесят пять. Ранние пташки.

Лично встретив гостей у входа, Ирина Сергеевна пригласила их к себе в кабинет.

Оглядев прибывших, Зарецкая с улыбкой отметила, что оба молодых человека, согласно бумагам представлявшие отдел древнерусской иконописи, явно принимали свою работу близко к сердцу и не без гордости сигнализировали окружающему миру о своей профессиональной принадлежности посредством соответствующего дресс-кода. Один из них был одет в стилизованную под старину рубаху с расшитым воротом, другой щеголял в джинсовом комбинезоне, расписанном в русских народных мотивах.

Внимательно проверив бумаги, Ирина Сергеевна радушно предложила гостям чаю. Владелец расписного комбинезона, судя по всему, бывший за старшего, слегка заикаясь, вежливо отказался.

Аккуратно расписавшись в книге приема-передачи ценностей и бережно погрузив груз в машину, реставраторы на прощание трогательно помахали руками через окно и отправились в обратный путь.

Улыбнувшись, атеистка Зарецкая трижды перекрестила удаляющийся фургон. На всякий случай.

Ближе к обеду Ирина Сергеевна проводила плановую еженедельную рабочую встречу с руководителями технических служб музея. Сопровождение пришлось прервать, чтобы ответить на настойчивый звонок телефона.

– К вам машина из ГосНИИРа, – снова сообщили с проходной.

«Отчего они вернулись?» – забеспокоилась Зарецкая и, извинившись перед подчиненными, зашагала навстречу реставраторам.

Вышедший из автомобиля человек в скучной серой робе услужливо протянул пластиковую папку с документами.

– Здравсьте! Извините, что припозднились. Мы за «Богородицей».

Зарецкая ойкнула и обеими руками схватилась за сердце.

Глава I

А что, собственно, такое весна? Защитный психологический буфер, призванный избавить от шока приходящий в себя после почти что полугодичной комы город. И если осень можно сравнить с наркозом, гуманно купирующим фантомные боли по утраченному теплу и краскам окружающего мира, то весна – не иначе как таблетка «экстази». Или сразу горсть.

Дабы уберечь тело от возможных последствий естественнонаучных экспериментов, практикуемых в каждом втором клубе, можно просто-напросто раскрыть медицинский справочник и изучить список эффектов, которые эти цветные пилюли оказывают на человеческий организм. А выглядеть он будет примерно так: улучшение настроения, позитивные эмоции, обострение ощущений. Ну разве не те же самые чувства навевает начало мая?

Вот такими размышлениями Глеб Стольцев пытался отвлечь себя от дурных предчувствий. Все еще на нервах после вчерашней ссоры, он вышел из дома позже обычного и теперь, пытаясь наверстать упущенное, нервно бросал машину из ряда в ряд. Глеб давно дал себе зарок никогда не опаздывать на лекции. Особенно на свои собственные.

Мысли, однако, снова вернулись к вчерашней ссоре. Из-за чего же они разругались? Как ни парадоксально, их теперь постоянно разводило в разные

стороны именно то, что в свое время свело вместе.

Помнится, однажды они с Мариной зашли к ее подруге. Та только что сделала ремонт, объединив всю квартиру в одно общее пространство. Не просто всю квартиру, а именно всю. По последнему писку моды даже ванная и, что особенно примечательно, туалет не имели никаких стен и запирающихся дверей. С любопытством оглядев интерьеры, Марина тогда задала подруге вопрос, уже вертевшийся на языке у Глеба:

- Ну а представь, что будешь жить не одна, как сейчас, а с мужчиной. Что тогда?

- Я всегда любила экстрим, ты же знаешь, - отшутилась обладательница супермодного студио.

Вчера вечером Марина уже не первый раз напомнила ему тот давний разговор, в сердцах позавидовав подруге. Ведь та при желании всегда может вызвать мастеров и возвести стенку вокруг биде и унитаза. А вот от Глеба с его чертовым «даром» никакой стеной отгородиться нельзя. Марину нетрудно понять. Кому понравится, что в любой момент в тебя могут заглянуть? Как в микроскоп или бинокль.

Капитана Лучко спозаранку вызвал в свой безразмерный кабинет начальник городского управления генерал Дедов, которого, понятное дело, иначе как Дедом за глаза никто и никогда не называл. Дед бросил перед капитаном папку с документами:

- На вот, займись.

Пробежав глазами первую страницу, Лучко недоверчиво переспросил:

- Что, прямо из Кремля?

- Ага, середь бела дня. И мне по этому поводу уже оборвали телефон.

- Оттуда? - Лучко поднял глаза на потолок.

– Оттуда! – рявкнул Дед, ткнув пальцем в окно в направлении Красной площади. – Так что срочно собери группу и отправляйся на место. Количество людей определишь сам. Понадобится усиление – дай знать. Получишь любые ресурсы. Будешь отчитываться лично мне. Ясно?

– Так точно.

– Да, и еще. Разрешаю привлечь того экстрасенса, что помогал нам в деле «душителя», помнишь?

– Такое вряд ли забудешь.

Раздался звонок. Аппарат специальной связи снова замигал красной лампочкой. Дед, одним своим видом внушавший трепет подчиненным, вдруг как-то съежился и присмирел. Он с видимым усилием заставил себя потянуться к трубке.

– Все. Иди работай.

На пару он все-таки успел, войдя в аудиторию одновременно со звонком, по старой привычке оставив или, по крайней мере, попытавшись оставить все свои личные неприятности и передраги за дверью.

Студенты обожали Стольцева за его неподдельную страсть к науке и благородную археологическую пыль, которую так и не сумели стереть несколько лет, проведенных на кафедре истории Древнего мира. Пожертвовав романтикой греческих развалин, Глеб в какой-то момент решил попробовать себя в качестве преподавателя и, как выяснилось, не прогадал. Оказалось, что удовольствие от лекций и семинаров было вполне сравнимо с радостью, какую испытываешь от находки античных артефактов.

Одной из задач первых двух курсов обучения была подготовка студентов к выбору будущей специализации. Для этого их знакомили со всеми направлениями исторической науки. Сегодняшняя лекция была посвящена эпиграфике – дисциплине, изучающей надписи, оставленные нам предками на надгробьях, стенах, вазах и любых других твердых поверхностях. Эти нехитрые тексты несут в себе море информации о том, какими на самом

деле были древние люди: как горячо они умели любить, как горько переживали потери, как люто ненавидели врагов, как буйно радовались собственным успехам, как превозносили любимых атлетов и гладиаторов, как весело смеялись над собой и окружающими.

Наилучшими из всех возможных иллюстраций к теме эпиграфики, безусловно, были афинская Агора – бывшая рыночная площадь древнегреческой столицы – и многочисленные римские надписи, сохраненные для нас стараниями Везувия.

Говоря о Помпеях, Глеб показывал слайды и одновременно воспроизводил по памяти часть надписей на доске. Студенты наперебой пытались истолковать смысл то забавных, то берущих за душу посланий из прошлого.

Начав с классического сообщения, оставленного неким Парисом, – *Paris hic fuit*, абсолютно аналогичного хрестоматийному «Здесь был Вася», Глеб постепенно постарался затронуть все стороны жизни помпейцев, еще не ведающих о нависшем над ними злом роке.

Своим ровным почерком Стольцев вывел следующий образчик античного граффити: *Samius Cornelio, suspendere*. Не без труда сориентировавшись в падежах, вызвавшийся доброволец в конце концов дал верную трактовку: «От Самия Корнелию: „Вешайся!“»

– Но в каком контексте, по-вашему, могло быть употреблено данное выражение? – поинтересовался чей-то голос.

– А какие будут версии у коллег? – переадресовал аудитории вопрос Глеб.

– Негодяй Корнелий обидел подружку Самия, и теперь его ждет расплата? – дружно загалдели девушки в первом ряду.

– Может быть, Самий – старослужащий, а бедолагу Корнелия только-только забрили в армию? – резонно предположила обеспокоенная мрачной перспективой призыва мужская половина.

Дав студентам возможность вдоволь пофантазировать, Глеб решил двигаться дальше.

– Salve lucrum! – процитировал он очередную надпись, найденную в богатой помпейской вилле.

– «Здравствуй, выгода!» – выкрикнул молодой человек, сверившись с электронным словарем.

– Скорее «Да здравствует прибыль!» – поправил его девичий голос откуда-то сзади. – Что-то вроде популярного нынче выражения «Жизнь удалась!».

– Абсолютно точно, – утвердил поправку Глеб, одобрительно кивнув ее автору – глазастой девчушке на последнем ряду.

Пришло время еще больше усложнить задачу.

– Любопытно, как много места в помпейских граффити отводится строчкам из любовных стихов римских поэтов. – И Глеб снова защелкал кнопками проектора.

Начав с Катуллы, он тут же невольно вспомнил его бессмертную строчку Odi et amo – «Я ненавижу ее и люблю», весьма точно описывающую настроение, в котором он сам проснулся этим утром. На несколько мгновений Глеб унесся в воспоминания, нечаянно оставив очередной слайд без комментария, что не ускользнуло от нескольких десятков пар внимательных глаз. Неловкую паузу прервал звонок, прозвучавший подобием гонга, что иногда так кстати спасает попавшего в нокаун боксера.

Накануне вечером Марина пугающе-спокойным голосом объявила ему о том, что съезжает к себе домой. Несмотря на трения и участившиеся размолвки, это известие оказалось для Глеба полной неожиданностью. Да, они ссорились и раньше, но при этом никогда не бросались такими словами, как «разрыв» или «уход». А ведь каких-то полгода назад он был уверен, что нашел то, что искал на протяжении всех тридцати восьми лет жизни, – свою половинку.

Глеб тут же вспомнил Эмпедокла Акрагантского, который две с половиной тысячи лет тому назад первым додумался до того, что мужчина и женщина – две половины одного и того же тела. После того как безжалостные боги

разделят их на части, каждая половина всю жизнь стремится воссоединиться с другой.

Снова прозвенел звонок, и лекция возобновилась. Глеб заставил себя сосредоточиться и вернуться к надписям на помпейских стенах. Он сообщил студентам, что абсолютным чемпионом по количеству выцарапанных на древней штукатурке упоминаний был Овидий – 722 цитаты! И это при том, что не менее великий Гораций не цитировался в Помпеях и близлежащем Геркулануме вообще ни разу.

– А как вы думаете почему? – громко спросил сидящий на первом ряду парень с искусно взъерошенными волосами.

– А вы не догадываетесь? – переспросил Глеб.

Студент помотал прической.

– Вижу, первоисточников вы не читали. Ладно. Давайте поразмыслим вместе. Начнем с того, что неподготовленному читателю всех времен Гораций давался с трудом – отсутствие рифм, длинные строчки с трудноуловимым, пульсирующим ритмом. Образованный же читатель прекрасно понимал, что словом и размером Гораций владеет как никто. А его сюжеты? Поэт только и делал, что критиковал человеческие пороки и назидательно призывал к сдержанной и умеренной «золотой середине». Совсем другое дело стихи Овидия, посвящавшего свою музу исключительно любви. Было меж ними и еще одно принципиальное различие. Овидий обращался к плебсу. Поэзия же Горация была адресована всадникам.

– Обидно считать себя плебсом, но нельзя ли, Глеб Григорич, чуть подробнее про Овидия, – попросил юноша.

– С наслаждением, – согласился Стольцев. – Давайте вернемся к Публию Овидию Назону и его *Ars amatoria* – «Науке любви», сразу ставшей, как сейчас принято говорить, бестселлером.

Прежде чем перейти к стихам, Стольцев начал с небольшого отступления. Он признался, что считает поэзию отдельным языком, наподобие иностранного.

Только изучив этот язык, как учат, к примеру, английский или немецкий, только потратив уйму часов, читая и, самое главное, пытаясь писать на этом языке, можно приблизиться к его пониманию. В этом смысле поэзия напоминает латынь или древнегреческий. Эти языки считаются мертвыми, так как на них не говорят никакие народы. Но при этом их можно выучить, поскольку существуют письменные источники. Примерно то же самое и с поэзией. Кстати, сам Глеб немало потрудился, чтобы овладеть этим волшебным языком, научиться досконально понимать его и даже изъясняться.

– А вы «говорите на поэзии»? – прозондировал он степень подготовленности аудитории.

Услышав что-то вроде коллективного «у-гу», Глеб приосанился и стал декламировать – в оригинале и переводе – самые яркие куски из творений Овидия, некогда выцарапанные неизвестными почитателями его таланта на стенах помпейских таверн и прочих доступных поверхностях.

Его глубокий, поставленный голос наподобие хорошо темперированного инструмента звенел и переливался выверенными тонами и оттенками: от бархата до наждака. Аудитория, казалось, совсем перестала дышать.

На Глеба же стихи снова навеяли болезненные воспоминания о его собственных любовных неурядицах. «А если Марина и в самом деле уйдет?» – кольнуло у него в груди. Глеб даже сбился в одном месте, но быстро взял себя в руки.

– Кто бы что ни говорил, а как поэты Овидий и Гораций, безусловно, равны. Не зря же Пушкин посвятил стихи обоим.

Кто-то из студентов тут же нараспев прочитал начало из пушкинского послания «К Овидию»:

Овидий, я живу близ тихих берегов,

Которым изгнанных отеческих богов

Ты некогда принес и пепел свой оставил...

– Bravo! – улыбнулся Глеб. – Александр Сергеевич резонно намекает на то, что его, как и некогда Овидия, тоже сослали к берегам Черного моря. А знаете ли вы, что с этой ссылкой римского поэта связана совершенно детективная история, которая еще ждет своего исследователя?

– Ой, расскажите! – попросила девушка с розовым маникюром и ноутбуком точно в тон.

– Овидий был любим и обласкан властями. Поэт отвечал императору Августу взаимностью и регулярно сочинял вдохновенные оды в его честь. И вот представьте, в один прекрасный день Овидий завершает свое, возможно, самое великое творение – «Метаморфозы». И как только что упомянутый наш с вами классик, в одиночестве перечитавший свеженарисованного «Бориса Годунова» и хлопавший сам себе в ладоши со словами «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!», в самом конце своей поэмы Овидий восторженно, хотя и несколько нескромно пишет: «Я буду жить в веках!» Однако еще не успели высохнуть чернила, которыми поэт вывел эту лапидарную строчку, как ему уже предписано отправиться в изгнание, а все его книги срочно изъяты из публичных библиотек. Без каких бы то ни было объяснений.

– А есть какие-нибудь предположения? – заволновалась аудитория.

– Да, одна зацепка у нас с вами есть. Несколько ранее была отправлена в ссылку внучка императора Юлия. И есть подозрение, что между этими событиями существует связь.

– Адюльтер? – хором предположили три зубрилки на первом ряду.

– Неясно. Сам опальный поэт не раз намекал, что пострадал, оказавшись невольным свидетелем какой-то непристойной сцены.

– Ну за свидетеля вряд ли посадят, – рассудил взъерошенный юноша.

– Не скажите.

– Как жаль, что мы никогда так и не узнаем правды, – печально подытожил чей-то голос.

– Ну почему же? Вполне возможно, что где-то под слоем земли, песка или пепла вот уже многие века скрываются вещественные доказательства, способные пролить свет на эту загадочную историю. Надо лишь копнуть в нужном месте.

Судя по наступившей паузе, добрая половина аудитории, вспомнив о приближении специализации, всерьез задумалась о выборе в пользу археологии. Было только слышно, как защелкали кнопки мобильных телефонов – студенты фотографировали стихотворные цитаты.

«А будет славно, – подумал Глеб, – если в двадцать первом веке на какой-нибудь московской стене появятся граффити, точь-в-точь похожие на те, что когда-то выцарапывали безответно влюбленные помпейцы».

До звонка оставалось чуть больше двух минут. Аудитория чуть ли не хором упростила Глеба напоследок прочитать еще что-нибудь из Овидия. Выбор пал на «Любовные элегии».

– Всё уже давным-давно сказано до нас... – то ли студентам, то ли самому себе задумчиво заметил Глеб и поднял руку, будто приготовившись дирижировать прихотливым чередованием дактилей и хореев.

В конце душещипательной строки *pes sine te pes tecum* – «ни без тебя, ни с тобою» – его голос предательски дрогнул. Слегка. Совсем чуть-чуть. Слава богу, никто ничего не заметил. Ну или почти никто. Разве что очень внимательная студентка на последнем ряду, уловив эту нечаянную модуляцию, бросила перешептываться с соседкой и вскинула на преподавателя удивленный взгляд.

В перерыве между парами Стольцеву пришла эсмэска за подписью Виктора Лучко. Прочитав текст, Глеб на какое-то мгновение оцепенел. Он невольно припомнил обстоятельства знакомства с отправителем сообщения и первый опыт прикладного использования своих не совсем обычных способностей. Опыт, о котором ему иногда так хотелось бы забыть.

Чуть помешкав, Стольцев все же отзвонился.

– Здорово, Глеб! Давненько, давненько... – бодро приветствовал его следователь.

– Привет! Тебе, судя по всему, снова понадобился экстрасенс?

– В данную минуту мне скорее нужен историк, способный проконсультировать меня по Византии. У тебя случайно нет никого на примете?

– Издеваешься?

– Ага.

– Считаю, что я заинтригован.

– Тогда к пятнадцати ноль-ноль подъезжай в Александровский сад. Я буду ждать тебя у входа в «Манеж».

Глава II

Капитан почти не изменился со дня их последней встречи, хотя и набрал несколько лишних килограммов, отчего шрам, глубоко прорезавший щеку, стал чуть менее заметным, а потертые вельветовые брюки еще плотнее обтянули мощные бедра.

Лучко дружески стиснул руку Глеба и предложил направиться в ближайшее кафе, чтобы обстоятельно поговорить за кофе и десертом. Стольцев знал, что, несмотря на свой brutальный вид, следователь был заядлым сластеной.

– Как твоя голова? – вежливо поинтересовался капитан.

– Все еще работает.

– Нет, я в смысле...

– А, «третий глаз»? Все в порядке. Пока видит. Хотя со временем становится подслеповат.

– Что ты имеешь в виду?

– Чем больше времени проходит после травмы, тем сильнее мне приходится концентрироваться.

– То есть твои способности постепенно ослабевают?

– Похоже.

– Так это плохо или хорошо? Ты ведь, помнится, спал и видел, как избавиться от своего неожиданного дара.

– Мм, с тех пор я, можно сказать, втянулся, – с улыбкой признался Глеб. – Ну а что нового у тебя?

– А у меня к тебе дело, – как всегда без особых церемоний перешел к сути капитан. – Вот, приказали тебя ознакомить.

Лучко передал Глебу картонную папку и самозабвенно принялся за изрядный кусок торта «Птичье молоко».

Пролистав пару страниц, Стольцев поднял на капитана удивленные глаза:

– Ты уверен, что я могу чем-то помочь? У тебя же пока нет ничего, на что я мог бы...э-э...

– Наложить руки?

– Ну да.

– А ты не торопись с выводами. Для начала я прошу тебя поподробнее разузнать историю иконы. Судя по справке от экспертов, она довольно темная. Но информации у меня катастрофически мало. – Следователь отвлекся

на очередную ложку торта, затем продолжил: – Ну что, поможешь? Мне, понимаешь ли, очень хочется понять, кто и по какой причине настолько набрался наглости, что посмел спереть «Богородицу» из Большого Успенского собора. Так что будь добр, подсоби. Покопайся в архивах, полистай летописи. Я хочу знать про эту икону абсолютно все. Лады?

Глеб просто не мог не согласиться. Впрочем, так поступил бы на его месте любой историк. Неспроста ведь само слово «история» в переводе с греческого как раз и означает «исследование» или, по сути, расследование случившихся событий. Так что в душе Глеб тоже искренне считал себя кем-то вроде сыщика и в каком-то смысле коллегой Лучко.

Весь обратный путь он думал о том, что ждет его дома. Готовая к примирению любимая женщина или...

Одно Стольцев знал наверняка – очередной стычки он уже не выдержит. Как правило, в случае размолвки Глеб привычно замыкался в себе, стараясь в одиночку справиться с эмоциями. И, кстати, рано или поздно справлялся. Марина же, напротив, предпочитала все решать путем изнурительных обсуждений.

«Хочешь поговорить?» Эта фраза, даже произнесенная ее нежным голосом, обычно не предвещала ничего хорошего и пахла ток-шоу-марафоном, зачастую затягивающимся до самого утра. И каждый последующий такой разговор только усугублял боль от всех предыдущих.

Обычно ища примирения после ссоры, Глеб подбрасывал Марине маленькие записочки, где в коротких стишках либо подлизывался, либо высмеивал причину ссоры. На всякий случай он в уме уже сложил пару миротворческих четверостиший:

Твои глаза зелено-карие

Бывают как араукарии –

Точь-в-точь такими же колючими,

В сердцах прикидываясь злючими.

А на щеках твоих две ямочки –

Ну хоть сейчас на стену в рамочке.

Не можешь выбрать паспарту?

Так приложи меня... корту!

С замиранием сердца поворачивая ключ в замке, он все еще надеялся на чудо. Вот сейчас дверь откроется, а там все как раньше. Как будто и не было ссоры. Ни вчерашней, ни всех предыдущих. Остался последний оборот. Глеб вздохнул и закрыл глаза.

Жалобно лязгнув, замок отомкнулся. Легонько толкнув дверь, Глеб заглянул в прихожую. Чуда не произошло. На полу валялся ключ, к которому был прицеплен брелок, когда-то подаренный им Марине. Нет, похоже, стишки уже не понадобятся.

Лучко сидел перед экраном компьютера, задумчиво рассматривая изображение исчезнувшей реликвии. Все в этом деле представлялось следователю необычным. Он нутром чуял: что-то здесь не так. Картинка не складывалась. Икону похитили не абы откуда, а из самого Кремля. Пошли на огромный риск. И при этом украли не какого-нибудь там Андрея Рублева, а произведение неизвестного мастера. Ну не странно ли? Почему из всего собрания кремлевских икон, одного из богатейших в мире, украли именно эту, далеко не самую знаменитую вещь?

Капитан восстановил в памяти недавний разговор с директором кремлевских музеев.

– Ну а вы хотя бы запомнили, как выглядели эти ваши «реставраторы»? – спросил он у бледной как полотно Зарецкой.

– Артистически... – вот и все, что смогла ему сообщить главная свидетельница.

Он уже попросил предоставить ему записи камер наблюдения с проходной у Боровицких ворот, через которые так дерзко въехали и выехали похитители.

По ощущениям от первого просмотра, воры весьма удачно уберегли свои «артистические» лица от видеосъемки. Теперь вся надежда была только на Зарецкую.

Порывшись в памяти, Ирина Сергеевна вспомнила про расписной комбинезон и легкое заикание.

– А документы?

– Они были в полном порядке. Вот их бланк приема иконы на хранение. Выглядит подлинным.

Это подтвердили и сотрудники охраны, дежурившие на проходной. Бланк и печать оказались настоящими. Пропуск на автомашину и разрешение на вывоз иконы были предварительно согласованы с директором ГосНИИРа.

Что неудивительно, ведь именно на этот день и была запланирована отправка «Богородицы» на реставрацию. Ловко, ничего не скажешь.

Как ни печально, но Зарецкая, абсолютно неспособная запоминать человеческие лица, помочь следствию не смогла. Составленный по ее показаниям фоторобот оказался похож на каждого второго мужчину в городе.

Остается сосредоточиться на том, что есть. Судя по подлинным бланкам документов, следы явно ведут в ГосНИИР, куда он завтра же и отправится вместе со следственной группой. Надо будет переговорить со всеми сотрудниками и тщательно сравнить показания. Если документы и в самом деле были настоящими, это может существенно сузить круг подозреваемых, ограничивая их число только теми, кто имел доступ к бланкам и печати.

Кстати, о ГосНИИРе. Оказывается, там на реставрации в момент похищения находилась еще одна кремлевская «Богородица» – из иконостаса Благовещенского собора работы Феофана Грека. Украсть ее из ГосНИИРа можно было бы с куда меньшим риском. Однако она цела. Хотя стоимость такой иконы на черном рынке, как объяснили эксперты, существенно выше, чем у исчезнувшей. Так почему же украли менее ценную вещь? Видимо, кто-то заказал именно ее. Но кто? Зачем?

В сложившейся ситуации поиск похитителей, безусловно, следовало вести с двух концов, пытаясь выйти как на исполнителя, так и на заказчика. А без заказчика здесь точно не обошлось.

Ну вот и все. Она больше не вернется. Да и он не станет ее возвращать. В справедливости расхожей мудрости «уходя, уходи» Глеб убедился еще много лет назад. Пытаться вернуть человека, который собрался тебя оставить, – все равно что склеивать вдребезги разбитую вазу. Как ни крути, будет протекать. Сначала понемногу, а потом все больше и больше.

Пытаясь отвлечься, Глеб решил занять себя каким-нибудь делом и, поразмыслив, приступил к приготовлению ужина. Лучшим из известных ему способов успешно справиться со стрессом, было заесть его. А еще лучше – запить. Стольцев всегда придерживался постулата Эпикура о том, что «нельзя жить разумно, достойно и справедливо, не живя приятно». А поработав в Италии и став ярым поклонником тамошней кухни, он и вовсе превратился в заядлого гурмана, способного, например, проехать три часа в одну сторону только ради того, чтобы отведать какого-нибудь редкого местного сыра, которым славится упомянутая в путеводителе деревушка.

Несмотря на отсутствие аппетита, Глеб решил сварганить что-нибудь трудоемкое. Помнится, Марина, понимающая толк в таких вещах, всякий раз, когда с ней случались какие-нибудь неприятности, садилась перешивать пуговицы на старом пальто. Она, наподобие девиза, любила повторять где-то услышанную мысль о том, что «мелкая моторика – крупный терапевт». Н-да. Марина. Черт, опять.

Нарезая лук для заправки ризотто, Глеб неожиданно пустил слезу, чего с ним давно не случалось.

«Наверное, день сегодня такой», – решил он и вспомнил сегодняшнюю лекцию и Овидия. В памяти всплыли неувядающие цитаты. Однако на сей раз они были не из «Науки любви», а из следующей книги поэта, «Лекарство от любви» – *Remedia amoris*, в которой автор пытался давать советы о том, как облегчить душевные страдания. Сейчас это было куда актуальнее.

Положив еду на тарелку и плеснув в бокал вина, Глеб принялся поглощать ужин. В голове настойчиво продолжали вертеться жалобные гекзаметры римского классика. Тот в качестве наилучших средств от сердечной боли рекомендовал следующее: работу, охоту и путешествие. Самое время прислушаться к советам специалиста.

Итак, начнем с работы. Глеб мысленно взвесил свой и без того перегруженный график и с сомнением цокнул языком. Нет, одними бесконечными лекциями, семинарами да репетиторством он, конечно, не спасется. Что дальше? Путешествие?

Это было бы здорово, но до конца семестра еще несколько недель.

Значит, остается охота. Охота? Впрочем, если в качестве таковой засчитать участие в этом так кстати свалившемся на него деле о пропаже иконы, то почему бы и нет. Да, это вполне может стать настоящей отдушиной.

На ум Глебу пришел еще один способ врачевания сердечных недугов – *cuneus sipeit trudit*[1 - Клин клином выбивают (лат.)]. Завести новый роман? Нет, даже не роман, а интрижку. Что-то вроде паллиативной сексотерапии. Помнится, после развода с женой это сработало.

Глава III

Чем дальше вчитывался Глеб в содержимое папки, переданной ему Лучко, тем очевиднее становилось, что следователь абсолютно прав – история иконы даже в сокращенном изложении представлялась более чем темной и запутанной. И разобраться в ней будет непросто.

Украденная святыня носила название «Влахернская икона Божьей Матери» или «Влахернетисса». Любопытно, что предание приписывало образ кисти самого святого Луки, считавшегося не только писателем-евангелистом, но и самым первым иконописцем или, как когда-то было принято говорить, изографом.

Глеб с тоской взглянул на осиротевший без Марины противоположный конец стола, затем не без усилий вернулся к папке.

Ага, вот и история происхождения образа. Предположительно первые века своего существования икона хранилась на родине евангелиста в Антиохии, а потом была перенесена в Иерусалим, где ее в пятом веке обнаружила императрица Евдокия и привезла домой в Царьград. Позже икона попала к Пульхерии – сестре византийского императора Феодосия П. Наконец, святыню поместили в церкви Богородицы во Влахернах – местечке, расположенном в пригороде Константинополя. По имени этого храма икона и получила свое настоящее название.

Тут взгляд Глеба остановился на спрятавшейся в буфете бутылке граппы. Хм. А вот это, пожалуй, самый надежный способ забыться. В «Лекарстве от любви» об этом, правда, ни слова. Но, видимо, лишь потому, что римляне так и не успели освоить технологию перегонки, скромно уступив эту историческую честь наседавшим на империю варварам. Вообще-то, положив руку на сердце, граппа, даже выдержанная и дорогая, мало чем отличается от деревенской чачи, но куртуазности и неги в итальянском напитке, несомненно, намного больше.

Щедро налив себе полстакана, Глеб, не смакуя вкуса, залпом принял дозу. Обжигающая рот жидкость уже через несколько минут милосердно явила свою болеутоляющую мощь, выступив единым фронтом с настигнутым в желудке белым вином, выпитым еще за обедом. Стольцев облегченно вздохнул и снова углубился в чтение.

Следующее упоминание о «Влахернетиссе» датировалось 626 годом. Тогда патриарх Сергий обошел стены осажденного Константинополя с иконой в руках, после чего захватчики спешно сняли осаду города и бежали прочь, в панике побросав оружие.

После этого икона на время уходит в тень, уступая инициативу своему прообразу. И теперь уже настоящая Богородица во время очередной осады города в 910 году является молящимся в храме и простирает над Константинополем белый защитный покров. Собственно, именно в честь этого события и был установлен один из главных праздников Русской православной церкви – праздник Покрова Богородицы. Улыбнувшись, Глеб вспомнил, что согласно одной из версий, Константинополь по иронии судьбы был в те дни осажден не какими-нибудь там сарацинами, а нашими предками –

русами.

Подлив себе итальянского антидепрессанта, он вновь зашелестел страницами.

Икону несколько раз признавали погибшей. Первый раз это произошло в эпоху иконоборчества, когда святыню, по слухам, спасли от уничтожения, замуровав в стену храма. Затем следы «Богородицы» исчезают то ли после пожара во Влахернской церкви, то ли после захвата города турками в пятнадцатом веке.

Занятно. Очень даже занятно. Похищенная вещь и впрямь была неординарной. Глеб даже почувствовал себя обязанным Лучко за то, что тот привлек его к расследованию, связанному со столь любопытным артефактом. Потерев уставшие глаза, он двинулся дальше к тому моменту, когда в семнадцатом веке «Влахернетисса» наконец перебралась в Россию.

Существовало по крайней мере два предположения насчет того, каким образом византийская икона очутилась в Успенском соборе Московского Кремля. По первой версии, ее прислали в дар царю Алексею Михайловичу с Афона, куда были переправлены православные ценности после падения Византии. По второй – икону привезли прямо из Константинополя в дар от настоятеля тамошнего Иерусалимского подворья.

Ну вот, для первого знакомства, пожалуй, достаточно. Глеб решил, что для полноты информации, не откладывая, посетит государственные архивы, а заодно постарается привлечь к этому историческому расследованию своих студентов. Это было бы весьма кстати для будущих историков. Он снова потянулся к граппе, но после секундных колебаний все же вернул бутылку на привычное место в шкафу.

Наутро стало понятно, что весна наконец собралась продемонстрировать всем и каждому, кто в доме хозяин. Можно сказать, стукнула кулаком по столу. И, между прочим, добилась своего. Москвички, истомленные суровой полугодичной необходимостью прятать свои прелести под ненавистной верхней одеждой, решительно вознамерились сказать вынужденной зимней скромности твердое «нет». Длина их юбок как по волшебству изменилась строго в обратной пропорции к объявленному Росгидрометом росту температуры. А огонь в глазах, многократно отраженный в мужских взглядах, набрав мощь лазера, без труда

пробивал бреши в сердцах встречных кавалеров, еще не успевших задраиться в сезонную броню.

Окружающая природа, как бы оправдывая свое женское начало и будто подчиняясь какому-то извечному оргастическому ритуалу, за компанию впала в майскую истерию. Бесстыдно распустив почки и набухнув, где можно и где нельзя, она всем своим видом показывала, что в любой момент готова откликнуться на витающий в воздухе призыв к всеобщему промискуитету, распутно приоткрыв свое ненасытное лоно семенам новой жизни.

Особенно остро пьянящее дыхание грядущего тепла ощущалось в уютном парке, два с половиной века назад разбитом в Сокольниках по проекту самого Растрелли, вокруг величественного сооружения из красного кирпича, некогда носившего высокое имя Загородного дворца Елизаветы Петровны.

Чего только не повидал этот выщербленный временем красный кирпич. Бывало, дворец использовался под казармы и на долгие годы наполнялся эхом караульных и чеканным шагом марширующих войск. Случалось и так, что здание десятилетиями подремывало в тишине, приютив в своих стенах почти неслышную общину сестер милосердия. А в иные времена оно и вовсе пустовало. И вот в один прекрасный день часть дворца отдали Государственному научно-исследовательскому институту реставрации. Именно туда, вдыхая напоенный забытыми за зиму ароматами воздух и улыбаясь дефилирующим навстречу красоткам, шагал по аллее старого парка капитан Лучко.

В подъезде его уже поджидали коллеги. Оставив их в курилке, капитан напрямик направился к директору.

Судя по цвету лица и легкому тремору конечностей, Алексей Степанович Шейнин, вот уже двадцать лет бессменно руководивший ГосНИИРом, был в курсе того, что похитители предъявили кремлевской охране подлинные бланки, заверенные печатью его института.

– Хоть убейте, не пойму, как это могло произойти! – схватился за голову Шейнин, даже не дослушав до конца первый вопрос капитана.

– Я здесь именно затем, чтобы разобраться, – как можно более спокойным тоном заверил директора Лучко.

– Да, да, мы тоже сделаем все от нас зависящее, – усердно закивав, затараторил Шейнин.

– У вас есть подозрения насчет того, кто мог это совершить?

– Что вы! Откуда?

– Тогда давайте начнем с тех, кто мог иметь доступ либо к бланкам, либо к печати.

– Да, конечно.

Шейнин нажал кнопку на пульте. В динамике послышался приятный женский голос:

– Слушаю, Алексей Степанович.

– Зайдите, пожалуйста.

Через пару секунд в кабинет вошла молодая женщина, окутав капитана густым запахом духов. Шейнин указал на кресло. Женщина послушно села.

– Это Елена Гуляева. Мой секретарь. Обычно все документы хранятся у меня в сейфе. Но иногда, отлучаясь, я оставляю запасные бланки у нее. Мало ли что.

Услышав эти слова и, видимо, смекнув, к чему они могут привести, секретарша тут же принялась безудержно рыдать. Отпоив ее водой из старомодного графина, Лучко выяснил, что пластиковая папка с двумя запасными бланками, на всякий пожарный хранившимися у нее в столе, исчезла примерно два месяца назад. Кто-то, похоже, готовился к похищению загодя и весьма основательно.

– А кто имел возможность украсть документы?

- Да кто угодно. Я могла отлучиться на обед...

- Не заперев кабинет или хотя бы стол? - возмутился Шейнин.

Секретарша снова засопела покрасневшим носом.

- Ну а кто крутился в приемной чаще других? - почти ласково поинтересовался капитан.

- Директор, - злобно зыркнув на шефа, всхлипнула секретарша.

Руки Шейнина задрожали пуще прежнего.

- А кроме него? - попытался разрядить обстановку Лучко, уже дав себе слово, что остальных сотрудников он и его помощники допросят с глаза на глаз.

- Никто вроде.

- Так «никто» или «вроде»? - уточнил капитан.

Вместо ответа женщина скривила рот и снова прикрыла глаза платком.

- К Елене Петровне на огонек иногда заглядывают молодые сотрудники, - с готовностью проинформировал следователя Шейнин.

- Вот как? А поконкретней?

Вооружившись карандашом и записав пару фамилий, Лучко попросил директора выделить его группе три комнаты для опроса сотрудников института и предоставить полный список всех работников.

- Для начала всего-навсего поговорим, - пояснил капитан, не вдаваясь в неприятные подробности, например, о том, что Дед уже заранее дал добро на использование в дознании любых средств, вплоть до полиграфа, если понадобится.

По распоряжению Лучко всех сотрудников института развели по трем комнатам, в каждой из которых их ждал разговор с очередным следователем. Сам же капитан постоянно перемещался из кабинета в кабинет, то лишь слушая, то подключаясь к разговору. Его задачей в первую очередь было не столько выявить несоответствия в показаниях, сколько засечь едва уловимые признаки волнения или беспокойства опрашиваемого. А в том, что злоумышленник или его сообщники где-то здесь, рядом, капитан нисколько не сомневался.

Поток сотрудников стал редеть только ближе к концу третьего дня. В очередной раз перейдя из кабинета в кабинет, Лучко застал коллегу за беседой с броско одетым молодым человеком. Заглянув через плечо оперативника, следователь прочитал, что фамилия допрашиваемого была Пышкин. Пышкин? Не один ли из тех, кто, по образному выражению директора, захаживал на огонек к Гуляевой? Капитан сверился со списком. Точно. Надо приглядеться к нему повнимательней.

– Сергей... э-э... Николаевич, а вы хорошо знакомы с Еленой Гуляевой? – вклинился в разговор Лучко.

– С секретарем директора? Да кто же ее не знает.

Было заметно, что, несмотря на напускную вальяжность и равнодушие, этот симпатичный светловолосый парень явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Скажите, вы поддерживаете контакт с Гуляевой вне института?

Молодой человек замотал головой. Пожалуй, даже чуть-чуть энергичнее, чем следовало бы.

– Нет, нет, что вы. Мы общаемся только и исключительно на работе.

«Это будет несложно проверить», – мелькнуло в голове у капитана.

– Позвольте уточнить, вы общаетесь только «на» работе или только «по» работе? – переспросил Лучко, нарочно выделив голосом предлоги.

– Только «на», – раздраженно уточнил Пышкин.

«Врешь ведь, как пить дать», – подумал следователь, испытующе всматриваясь в собеседника, и объявил:

– Ну хорошо, на сегодня вполне достаточно.

Глава IV

Сразу после лекций Глеб отправился на Большую Пироговскую в Российский государственный архив древних актов. РГАДА считался настоящей Меккой историков. Нет, даже не Меккой, а скорее Римом, куда неизбежно приводили если не все дороги, то по крайней мере все следы, кем-то когда-то оставленные в российской истории.

Чего только не сыщешь в этом гигантском хранилище старины. Вы решили разобраться в запутанной генеалогии собственной семьи? Значит, вам прямиком в РГАДА. Захотели покопаться в грязном белье давно почивших в бозе царей? Тогда вас наверняка заинтересуют фонды личных канцелярий российских монархов. Пожелали убедиться в том, что массовое расхищение госбюджета – отнюдь не новое ноу-хау, а старинная и, главное, почти ненаказуемая национальная забава? Испытайте удовлетворение от чтения документов, запечатлевших вековые злоупотребления практически всех дореволюционных приказов – от Аптекарского до Большой казны. Вознамерились воздать по заслугам негодяю, несколько веков назад счастливо ускользнувшему от правосудия? К вашим услугам подробнейшие архивы органов следствия и сыска.

В общем, в РГАДА при желании можно было найти абсолютно все. И это «все» с фантастической скрупулезностью охватывало любые крупные и мелкие события, случившиеся в жизни страны с девятого по двадцатый век. Надо только знать, где искать и, главное, что.

Для того чтобы побыстрее сориентироваться в колоссальном количестве архивных материалов, Глеб начал с многотомного путеводителя, в котором перечислялись находящиеся на хранении документы. Он выбрал самые многообещающие и подошел к стойке.

Вообще-то читальные залы РГАДА обычно весь день напролет забиты посетителями, и чтобы попасть туда, нужно было приходить к самому открытию. Это обстоятельство, впрочем, мало волновало Глеба, поскольку систему, которую профессор Буре в шутку называл псевдолатинским выражением *ro blatum*, еще никто не отменял. Один звонок старой знакомой, работавшей в администрации архива, – и уже через пять минут Глеб получил желаемые документы.

С увлечением покопавшись в изданном в 1844 году сборнике под названием «Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев», Глеб обнаружил то, что искал. Запись, датированная 1653 годом, сообщала: «Октября в 16 день встречал Государь образ пречистыя Богородицы Одигитрия, что принесен из Грек, из Лахернской церкви».

Слово «одигитрия» по-гречески означает «указующая путь», – припомнил Глеб и сделал пометку в блокноте: надо разобраться с этим поподробнее.

Но кто же доставил святыню ко двору его величества? К радости Глеба, в архивах на сей счет тоже сохранилась подробная запись. Оказалось, что икону в Москву привез константинопольский купец, которого летописи упоминали как «торгового грека» по имени Дмитрий Костинари.

Записав имя, Глеб углубился в реестр документов на греческом. Здесь его снова ждала удача. Бездонные российские архивы сохранили грамоту, присланную царю Алексею Михайловичу константинопольским патриархом Паисием, в которой тот в самых напыщенных выражениях излагал историю образа и сотворенные им чудеса. Но главный сюрприз был впереди. С помощью электронной системы поиска Глеб обнаружил упоминание о Влахернской Богоматери в истории сразу нескольких громких фамилий. Оказалось, что в роду Строгановых-Голицыных существовало семейное предание, согласно которому из Константинополя в Москву в свое время привезли не одну, а две иконы с одним и тем же названием.

Вернувшись в рабочий кабинет после очередного дня в ГосНИИРе и запивая стаканом чая купленный по дороге шоколадный эклер размером с ладонь, Лучко размышлял о том, что по иронии судьбы «Богородица» три года терпеливо

ждала своей очереди на реставрацию в ГосНИИРе, и вот на тебе! Дождалась.

Капитан в очередной раз пробежал глазами список сотрудников института. Директора он отмел сразу. За двадцать лет, проведенных Шейниным на начальственном посту подобное случилось впервые. Нет, вряд ли это он. Но тогда кто? По результатам опроса сотрудников, наибольшие подозрения вызывали секретарь Гуляева и реставратор Пышкин. Лучко снова пролистал личные дела. Ничего необычного: учились примерно, работали старательно. В общем, ничего не узнаешь, пока не прижмешь. Может, уже пора? Только вот как бы не спугнуть раньше времени. Кто бы из них ни был замешан в похищении, он или она, скорее всего, лишь снабдили вора информацией и документами. И если этот вор запаникует и заляжет на дно, пиши пропало. Так что пока о подозрениях на свой счет эти двое знать ни в коем случае не должны.

Для начала нужно побыстрее проверить, чем Пышкин и Гуляева занимались в день исчезновения иконы: проанализировать звонки на мобильные, просмотреть электронные сообщения, по минутам уточнить распорядок дня и тому подобное. А там, глядишь, что-нибудь и вылезет.

Сбитый с толку Глеб от корки до корки пролистал дореволюционную книгу, где подробнейшим образом описывалось имение Голицыных в Кузьминках – село Влахернское, названное так в честь драгоценной иконы, пожалованной предкам князя царем. Если верить тексту, икона была дубликатом «Богородицы», присланной самодержцу из Константинополя вместе с оригиналом.

Стольцев отложил книгу в сторону. Чертовщина какая-то. Ну зачем византийцам было дарить русскому царю две одинаковые иконы?

Глеб снова склонился над летописью Голицынского имения. Икона-дубликат многие десятилетия хранилась в подмосковной деревеньке, в специально построенной церкви, естественно, также нареченной Влахернской. После революции икона перекочевала в запасники Государственной Третьяковской галереи. Для того чтобы отличать эту «Влахернетиссу» от той, что висела в Кремле, искусствоведы и историки стали именовать ее «Строгановским списком».

Хм, надо будет обязательно сходить в Третьяковку.

Утром Глеб первым делом позвонил Лучко и предложил ему вместе заехать в галерею, чтобы своими глазами взглянуть на копию иконы. Следователь отказался, сославшись на занятость, но обещал сделать звонок и договориться о том, чтобы Глеба беспрепятственно пропустили в запасник. Стольцев, в свою очередь, испросил разрешения взять с собой коллегу. Он был совершенно уверен, что профессор Буре не откажется от редкой возможности ознакомиться с недоступными взору обычных посетителей экспонатами одного из крупнейших в мире музеев.

Потомок немецких переселенцев Борис Михайлович Буре был личностью эксцентричной даже для ученого с мировым именем. Старомодный и экстравагантный, профессор слыл непререкаемым научным авторитетом и кумиром многих поколений студентов истфака. Они со Стольцевым были весьма близкими друзьями, несмотря на тридцатилетнюю разницу в возрасте и формальное обращение на «вы».

После недавнего ухода прежней заведующей, Буре, к радости Глеба, назначили исполняющим обязанности завкафедрой. Выбор, по общему мнению, представлялся более чем достойным: профессор был как высочайшей пробы профессионалом, так и превосходно воспитанным, тактичным, чутким человеком и, в отличие от своей предшественницы, решительно не давал хода сплетням и интригам, столь характерным для ученой среды. Однако Борис Михайлович сразу заявил, что в силу возраста, а также по идейным соображениям не претендует на эту должность на постоянной основе и с наслаждением оставит пост по окончании переходного периода. Вот тут-то все и началось.

О своем горячем желании воссесть на кафедральном троне заявили сразу три человека. У доцента Волковой, исполнявшей обязанности зама при одиозном старом начальстве, шансов не было. Зато два других кандидата – профессор Фунин и профессор Гладкова – обладали примерно одним и тем же «весом» и схожим числом заслуг и регалий.

Фунин занимался ранней Римской республикой, Гладкова же специализировалась на Древнем Востоке, и конечная победа одного из них, по идее, должна была на несколько лет вперед определить диспозицию, в которой находились традиционно конфликтующие между собой «западный»

и «восточный» кланы кафедры истории Древнего мира.

Щедрый на прозвища Буре тут же окрестил предвыборную возню между Фуниным и Гладковой «фуническими» войнами. Неологизм немедленно прижился, и коллектив преподавателей, подобно стоящему на холме античному полководцу, заинтересованно наблюдал за жаркой схваткой в долине.

Все сожалели о решении Буре, но Борис Михайлович был непреклонен и с удовольствием цитировал знаменитые слова удалившегося от дел Диоклетиана, в ответ на просьбу послов вернуться в Рим и снова стать императором сказавшего, что они бы не стали к нему приставать со своими глупостями, если бы увидели, какую он вырастил в огороде капусту.

Как и предполагалось, Буре воспринял приглашение в Третьяковку на ура. Заказанный Лучко пропуск позволил им без лишних проволочек попасть в залы, открытые только для работников музея. Встретившая их сотрудница представилась Марией Ильиничной и любезно согласилась провести что-то вроде небольшой экскурсии.

Со слов Марии Ильиничны, богатейшая коллекция икон в запасниках Третьяковской галереи насчитывала около четырех тысяч экспонатов. И хотя профессор с удовольствием осмотрел бы их все, Глеб сразу попросил показать им «Влахернетиссу».

Когда служительница музея, проведя гостей длинными запутанными коридорами, наконец показала им икону, Глеб поначалу решил, что пожилая женщина, верно, ошиблась. Он даже вынул специально захваченную с собой цветную распечатку.

– Вы уверены, что эта она?

Мария Ильинична, озадаченная вопросом, кивнула.

Еще раз недоверчиво взглянув на распечатку, Глеб протянул ее Буре. Тот поправил очки и внимательно сличил то, что называлось «Строгановским списком», с фотографией кремлевского оригинала.

Икона была абсолютно другого цвета! Причем разница заключалась не в оттенке. Она была совершенно радикальной. Икона на снимке состояла почти сплошь из золотистых тонов. А образ, висевший в запаснике, оказался черно-синим.

– Очень странно, – пробормотал Глеб.

– Более чем, – согласился Борис Михайлович. – Будто их нарочно сделали максимально различимыми на глаз.

– Но зачем?

– Возможно, кто-то очень не хотел, чтобы иконы перепутали.

– Что-то вроде цветового кода?

– Очень на то похоже.

– Но кому это могло понадобиться?

– Да, было бы и в самом деле очень любопытно узнать.

– А мы могли бы поговорить с кем-то из ведущих специалистов по иконам? – спросил Глеб у сотрудницы музея.

– С удовольствием отвечу на ваши вопросы, – поджав губы, предложила Мария Ильинична. – Я руководитель отдела реставрации древнерусской живописи.

Извинившись за свою нечаянную бестактность, Глеб спросил, почему в летописи икона была названа греческим словом «Одигитрия» – «указующая путь».

Мария Ильинична, смягчившись, начала с того, что в русской традиции более привычным переводом считается «Путеводительница». Само же понятие «Одигитрия» обозначает одно из наиболее распространенных изображений Богоматери с Младенцем, когда у нее на руках сидит отрок-Христос. Правой рукой он благословляет, а в левой держит свиток или книгу.

– Вы заметили, что эта икона, как и та, что исчезла из Кремля, выглядит весьма необычно и совершенно непохожа на остальные? Дело в том, что обе «Влахернетиссы» – одни из немногих сохранившихся икон, выполненных в чрезвычайно редкой технике энкаустики, или воскомастики. Такой способ живописи подразумевает использование восковых красок, отчего изображение приобретает объем и становится выпуклым. Вы уже наверняка обратили внимание на ее толщину?

Не заметить этого и впрямь было невозможно. Изображение Богородицы больше напоминало разрисованный барельеф, нежели икону.

– Во всем мире уцелело очень мало столь древних икон, – продолжила Мария Ильинична. – Аналогом можно считать чудотворный образ Богоматери Спилеотиссы в греческом монастыре Мега-Спилео на Пелопоннесе и еще несколько экземпляров, сохранившихся на Афоне.

– Вы сказали «древняя». А насколько? – вступил в разговор Буре.

– А вот это самое интересное. Из-за того что доску и оклад несколько раз меняли на новые, провести датирование изображения с точностью в сто процентов не представляется возможным даже с использованием самых современных средств. Насколько я знаю, последний раз такая попытка делалась в восьмидесятые годы под руководством Сергея Лягина. И если кто и может об этом рассказать, так это сам Лягин. Помнится, в результате его исследований «Богородица» враз состарилась на тысячу лет! Теперь она официально считается произведением седьмого века. Хотя у Лягина на этот счет было свое особое мнение.

– Но почему столь ценный экспонат находится в запасниках, а не выставлен на обозрение публики?

– Я же говорила, в нашей коллекции четыре тысячи икон. И каждая вторая претендует на место в основной экспозиции.

– А где мы можем найти Лягина?

– Он давно на пенсии, но телефон я вам раздобуду.

Под впечатлением от увиденного Глеб и Буре спорили всю обратную дорогу в университет.

– А что, если разница в цвете не является опознавательным знаком, как мы с вами первоначально предположили? – размышлял профессор.

– Но тогда чем ее можно объяснить?

– Ну хотя бы тем, что древние греки вообще описывали цвета весьма специфическим образом.

– Вы имеете в виду такие вещи, как отсутствие в их лексиконе слова «синий» или «голубой»?

– Например. Но если бы вся разница заключалась только в этом. Помните, как Гомер описывает море? Он сравнивает его с вином.

– Тогда давайте вспомним, что тот же цвет вина он использует и для описания овечьей шерсти. А небо Гомер вообще называет бронзовым! И что с того? В конце концов, по преданию, поэт был слепым. Ему простительно.

– Хорошо, вспомните Еврипида, – не сдавался Буре. – Он-то точно слепым не был. Но при этом мог запросто применить прилагательное «хлорос» к человеческим слезам или крови. И даже если мы согласимся со спорной точкой зрения насчет того, что это слово, исконно означавшее «зеленый», могло также означать еще и «желтый», то все равно кровь и слезы, даже при таком допущении, будут выглядеть как минимум нетрадиционно.

Глебу было нечем крыть, но Буре все продолжал сыпать доводами:

– А Эмпедокл, который сводил все многообразие окружающих красок лишь к четырем цветам? А Ксенофан, из семи тонов радуги различавший всего три?!

Надо признать, по части знания Еврипида и прочих угнаться за Буре было решительно невозможно. Поэтому Глеб дипломатично предложил вернуться к вопросу о синем цвете.

– Мы совсем забыли про «циан», – спохватился он.

– Да, действительно, этим словом исконно описывались темно-синие эмали, но оно никогда не применялось ни к небу, ни к воде. Ну не странно ли?

– Пойдите, но разве Гомер не сравнивает цвет волос Гектора именно с «цианом»? Разве мы не можем считать это аналогом нашего выражения «иссиня-черный»?

– Пожалуй, – признал профессор, благодушно сводя ученый спор к временной боевой ничьей.

Порядком устав от дискуссии и на время позабыв о вызвавшей ее иконе, Глеб погрузился в размышления о том, отчего древние и в самом деле не только описывали, но и, по предположениям отдельных исследователей, даже воспринимали цвета совсем не так, как мы. Например, одна группа ученых полагала, что сетчатка египтян и греков, несмотря на то, что нас разделяют всего каких-то две-три тысячи лет, еще не достигла своего нынешнего развития и не обладала тем же разрешением, что теперь. Другие считали, что причина столь резких различий скорее психологическая и что те же греки были в гораздо большей степени склонны отождествлять цвета с настроением или характером, нежели с хроматической характеристикой предметов. Третьи были уверены, что цветовосприятие – это вообще плод комбинированной психофизической эволюции. Не случайно офтальмологи утверждают, что слепые люди, которым современная медицина возвращает зрение, ни в какую не способны адекватно различать цвета по причине того, что они либо забыли, как это делать, либо их в свое время не научили.

Сидя в кабинете и листая распечатки, присланные сотовыми операторами, Лучко и сам толком не знал, что именно ищет. При том что биллинг был весьма эффективным методом поиска виртуальных улики.

Поделенная на «соты» и испещренная базовыми станциями или, для краткости, базовками, столичная территория, по сути дела, являлась точной координатной сеткой, позволяющей отследить как местонахождение мобильного телефона, так и все его передвижения в пространстве. Распечатка, словно машина

времени, могла запросто обратить вспять ход истории, давая грамотному и внимательному наблюдателю почти сверхъестественную возможность увидеть, кто, когда, откуда и кому звонил, с точностью до секунды восстановив события, случившиеся накануне или годы тому назад. Любой мобильный, как известно, служит прекрасным радиомаяком.

Распечатка, которую изучал Лучко, была совсем непохожа на те, что по просьбе абонента выдаются в офисах операторов связи. Кроме исходящего и входящего номеров, аппаратура наподобие радара послушно фиксировала еще и сектор, то есть записывала информацию о том, где в каждый момент времени располагался звонивший по отношению к станции, через которую происходила коммутация. Кроме того, основываясь на показателях мощности сигнала, можно было точно определить, звонил ли абонент, идя пешком по улице, ехал ли он в машине или находился внутри здания. Таким образом, фиксируя перемещения звонившего от одной базовки к другой, можно было составить точный маршрут его движения с ошибкой, не превышающей сотню-другую метров.

Определив интересующий его район, следователь напряженно искал следы любой подозрительной активности вблизи Кремля и в особенности у Боровицких ворот между восемью пятьюдесятью и девятью часами утра.

Звонков было море. Рано приезжающие на службу чиновники к девяти обычно чуть ли не поголовно уже были на месте, начиная рабочий день с телефонных переговоров, что значительно усложняло задачу капитану. Да, время для похищения эти парни выбрали идеально. Но совсем не наследить они вряд ли могли. Надо лишь понять, какой из этих тысяч номеров имеет отношение к ворами.

Лучко с завистью подумал о зарубежных коллегам, на помощь которым в подобных случаях приходит специальное программное обеспечение, способное обрабатывать тысячи номеров в секунду в соответствии с заданными параметрами поиска. Руководство управления в прошлом году в очередной раз пожадничало, вычеркнув из списка закупок копию этой волшебной программы. А она сейчас ох как пригодилась бы. Впрочем, Деда можно понять: семь тысяч евро за диск с программой – это, пожалуй, слишком. В общем, рассчитывать приходилось только на собственную интуицию и усидчивость.

Пока капитан задумчиво теребил мочку уха, его внимание привлек звонок, сделанный в 9:42. Судя по мощности сигнала, звонили из автомашины. Лучко

помнил, что, исходя из записей камер наблюдения, фургон с фальшивыми реставраторами покинул Кремль за полторы минуты до этого. А кому звонили-то? Ага, номер не зарегистрирован. Видимо, купили симку где-нибудь на Митинском радиорынке. Впрочем, это не важно. Даже не идентифицируя телефон, система все равно внимательно фиксирует всю поступающую о нем информацию. И делает это не зря. В 9:44 анонимный абонент вступил в новый сеанс связи. Он набрал номер, показавшийся Лучко знакомым. Следовательно со смутной надеждой заглянул в листок, где накануне цветным маркером педантично выделил несколько комбинаций цифр. Это был список номеров домашних и мобильных телефонов всех сотрудников ГосНИИРа. Память капитана не подвела. Номер принадлежал реставратору Пышкину.

Глава V

Перехватив взгляд, которым Зинаида провожала идущего по коридору Стольцева, Аня Ганина брезгливо одернула лучшую подругу за плечо:

– Геронтофилка!

– Не говори глупостей. Я испытываю к Глебу Григорьевичу чисто научный интерес. Ну, скажем, как археолог к древнему артефакту.

– Вот в этом-то и проблема.

– Ты о чем?

– О том, что некоторые «археологи» по таким вот «артефактам» иногда прямо-таки сходят с ума.

– Ты же меня знаешь...

– Вот именно, – проворчала Аня, перехватив очередной взгляд Зины, направленный туда, где в бесконечном людском потоке постепенно растворялась прямая спина Стольцева.

Рассеянно улыбнувшись в ответ, Зина попыталась отшутиться:

– Мне, знаешь ли, всегда нравились кавалеры постарше. Мой самый первый школьный ухажер учился в девятом классе, а я ходила в седьмой.

Наморщив лоб, Аня произвела в уме какие-то вычисления:

– Если подумать, в принципе разница в два класса по меркам взрослой жизни соответствует пятнадцати-двадцати годам, не меньше. Тебе восемнадцать, Стольцеву где-то тридцать шесть-тридцать восемь...

– Отстань. – Зина беззлобно оттолкнула подружку и еще раз украдкой посмотрела туда, где исчез Стольцев.

В глазах Зины Глеб не просто выделялся из толпы. Он возвышался над нею. Чем-то вроде памятника воле и упорству человека, позволившим ему, выжав максимум из заложенных природой возможностей, покорить недоступные для других вершины, не утратив при этом ни скромности, ни самоиронии.

Нет, конечно, этот человек отнюдь не был лишен недостатков. Например, Зину жутко раздражало то, что их преподаватель, казалось, знал все обо всем и постоянно подтрунивал над невежеством аудитории, что нравилось далеко не каждому. Впрочем, у него на то были основания.

Начнем с того, что Стольцев заслуженно слыл исключительным знатоком греческого и латыни. Даже отмеченная куда более высокими званиями профессура кафедры классических языков не могла, да и не отваживалась соперничать с ним.

Кроме невероятных лингвистических успехов, Стольцев еще до прихода на кафедру успел многого добиться и в археологии. Например, когда Зина еще училась в школе, Стольцев уже был одним из руководителей раскопок в Северном Причерноморье, и Зина до сих пор чуть ли не наизусть помнила газетную статью о том, как ребята из его экспедиции нашли в море, на три четверти затопившем руины древней Фанагории, уникальные по ценности предметы.

Одной из самых громких находок, описанных в газете, было надгробие жены легендарного Митридата. Причем согласно эпитафии супругу царя называли мужским именем Гипсикрат. Археологи, конечно, знали, что в принципе мужеложство среди греков было нормой жизни. Но загвоздка состояла в том, что у Митридата от этого таинственного Гипсикрата были дети!

Любопытно, что разгадать головоломку Стольцеву и его коллегам помог не кто иной, как Плутарх. Копаясь в жизнеописании римского полководца Помпея, в красках описавшего последнее сражение Митридата с римскими войсками, въедливые археологи обнаружили упоминание о жене или наложнице царя по имени Гипсикратия, до того храброй в бою, что Митридат уважительно нарек ее Гипсикратом.

Как-то на лекции Стольцев признался, что и эта находка, и связанные с ней исследования были одними из самых ярких событий его жизни. Что уж говорить о Зине, на которую та давнишняя статья и последующие рассказы преподавателя произвели столь сильное впечатление, что она полностью и окончательно определилась в выборе будущей специализации, отдав предпочтение покрытой пылью и потом нелегкой стезе археолога.

Помимо заслуг, добытых скребком и лопатой, Стольцев обладал несомненным талантом педагога, способного превратить тяжкий путь познания в легкую и увлекательную прогулку. А самое главное, он был прирожденным ученым, умеющим подмечать ключевые моменты там, где их не видел глаз менее искусственного наблюдателя.

Взахлеб прочитав обнаруженную в Интернете кандидатскую Стольцева, Зина, уже имевшая за плечами добрую сотню часов, проведенных в «историчке» – как спокон веку студенты фамильярно звали Государственную публичную историческую библиотеку, – с удивлением обнаружила, что эта скромная в смысле ученых степеней работа была вполне способна уделать любую докторскую по данному вопросу. Но любопытнее всего то, что Стольцев не стал докручивать столь блестяще разработанную тему и конвертировать ее в вожделенный докторат. Нет, закончив дело, он с азартом истинного ученого переключился на изучение других вопросов.

Наконец, что немаловажно, Глеб Стольцев был весьма привлекательным мужчиной с лицом, что не испортило бы греческую статую, и абсолютно неотразимым серо-голубым взглядом, в глубине которого то и дело

проскакивала очаровательная лукавая искорка. Словно первый луч солнца, до поры таившийся в предрассветном небе. Даже крупный розовый шрам, просвечивающий на затылке и по виду совсем свежий, не портил картины, а скорее добавлял ореола мужественности своему обладателю.

Были, впрочем, у Стольцева и свои странности. Например, Зина никогда не видела, чтобы он с кем-нибудь здоровался за руку. Очень внимательная от природы, Зина, наверное, единственной из всех подметила эту особенность и была совершенно убеждена в том, что их преподаватель пытается тщательно избегать любого физического контакта с окружающими, прибегая ко всяческим хитростям.

Так, он всегда старался держать обе руки занятыми, например в одной – портфель, а в другой – какую-нибудь книжку или журнал. В разговоре Стольцев норовил отойти как можно дальше от собеседника. А после окончания лекции он, как правило, покидал аудиторию последним – опять-таки, похоже, из-за боязни угодить в толчею, чреватую нарушением так бдительно оберегаемых им границ личного пространства.

Однако при всех этих странностях на закоренелого мизантропа Стольцев совсем не походил – общение со студентами явно доставляло ему немалое удовольствие. Может, какой-нибудь пунктик на гигиене? Боязнь чем-нибудь заразиться? Разновидность ипохондрии? Не зря же Стольцев даже мел всегда приносил с собой и никогда не пользовался тем, что пыльной горкой лежал у доски.

Как бы там ни было, но эта таинственная фобия и та представлялась Зине лишь дополнительной изюминкой, этакой милой чертовщинкой, придававшей еще больше очарования ее кумиру.

А тут еще эта внезапная слабость во время декламации Овидия. Неужели нашлась искусительница, способная разбить сердце такого мужчины? Чего бы только Зина не отдала за возможность утешить этого явно страдающего, но не желающего показать свою боль человека.

Нахмутив не имеющий ни единой морщинки лоб, Зина отправилась этажом выше, где через пять минут начиналась следующая пара. Ни на шаг не отстающая Аня с любопытством наблюдала за сменой выражений на лице

подруги.

Подозрения насчет Пышкина подтвердились, однако Лучко, немного поразмыслив, решил пока не брать реставратора под стражу. Слишком велик риск спугнуть более крупную птицу. Нет, для начала он доложит Деду и установит наблюдение за Пышкиным и его квартирой. Так он сможет выйти на реального исполнителя или даже на заказчика. Горячиться тут не следует.

Возвращение домой все еще было пыткой для Глеба. Он снова один. И снова не по своей воле. Не то чтобы Глеб был излишне самолюбив, нет. Но мысль о том, что его оставили, что любимая женщина предпочла разорвать их отношения в одностороннем порядке, неприятно колола под сердцем.

А ведь, между прочим, это уже не первый подобный крах в его жизни. Глеб с грустью сравнил романтические отношения с подводной лодкой. Та, при желании, может сколь угодно долго держаться на плаву, но капитана при этом так и подмывает скомандовать: «Срочное погружение» – и опытным путем выяснить, насколько глубоко можно притопить эту железную дуру.

В памяти Глеба всплыли строки, пусть и очень иносказательно, но все же объяснявшие природу трещины, поначалу казавшейся с волосок, но в итоге разошедшейся до размеров бездны. В своем стихотворении один из любимых латиноамериканских поэтов Глеба признавался, что ему «до лампочки, какие у женщины груди – как цветущие магнолии или как пара сушеных фиников, и какая у нее кожа – как персик или наподобие наждака». Что ему «начхать на то, насколько свежо ее утреннее дыхание – возбуждает ли оно плоть или способно морить тараканов». Лишь одного поэт ни под каким предлогом не мог простить возлюбленной, а именно «неумения летать». Изящный верлибр аргентинца заканчивался словами о том, что «если женщина не умеет летать, она попросту теряет с ним время».

Глеб отдернул занавеску и, сложив ладони козырьком, попытался всмотреться в чужую жизнь, протекающую за окнами дома напротив. Навейанный стихотворением образ занозой сидел у него в голове. Черт побери! При всех достоинствах Марины, «летать» она разучилась. И до обидного быстро. Или ей всего-навсего достался не тот «пилот»? Впрочем, разве Глеба еще в школе

не предупреждали на уроках зоологии о том, что муравьиная матка сбрасывает крылья сразу после того, как находит себе достойного партнера?

Было до чертиков тоскливо. Для создания хоть какой-то иллюзии общества Глеб весь вечер шел на мелкие хитрости. Он то включал телевизор на полную громкость, то рассылал не особо нужные эсэмэски друзьям и знакомым. Хитрости не особенно помогли. Уже к десяти хотелось завыть волком. Не найдя для себя иной альтернативы, Глеб с надеждой посмотрел на стеклянную дверцу буфета, за которой угадывался манящий силуэт бутылки с граппой.

Перебрав за ужином лишнего, Стольцев так и заснул на кухонном диване. Его разбудил неприлично поздний звонок. Голова раскальвалась, а ощущение во рту цензурными словами описать было крайне затруднительно. Недоверчиво посмотрев на часы, Глеб потянулся к телефону. Половина первого ночи. Кто бы это мог быть? Неужели она?

Вместо голоса, который одним лишь своим слегка хрипловатым, таким низким для женщины тембром когда-то мог свести его с ума, в трубке послышался бодрый баритон Лучко. Как обычно, капитан не стал тратить времени на преамбулы:

– Ты не поверишь, только что ограбили Третьяковскую галерею. Украли икону.

– Я, кажется, догадываюсь, какую именно, – предположил Глеб, окончательно просыпаясь.

Глава VI

– Как исчез? Куда исчез? – орал Дед на капитана. – Проворонил, твою мать!

Прекрасно зная характер генерала, Лучко даже и не пытался оправдываться. Себе дороже. Главное – не смотреть начальнику в глаза: это может вызвать очередной приступ ярости. А в гневе обладавший луженой глоткой и почти двухметровым ростом Дедов был по-настоящему грозен и очень шумен.

За оглушительный голос начальника управления иногда звали Иерихоном. Если Иерихон подходил вплотную и кричал подчиненному в лицо или, не дай бог, прямо в ухо, запредельная мощь звука вводила в ступор даже видавших виды следаков. Капитан и сам не раз испытывал на себе парализующее воздействие начальственных децибелов. В общем, лучше помалкивать, тем более что сказать и в самом деле было нечего. Дед абсолютно прав: Пышкина он упустил. Но кто же мог подумать, что этот интеллигентный с виду парень с полным отсутствием криминального прошлого почует наблюдение и, ловко воспользовавшись чердаком, покинет здание через соседний подъезд за спинами стерегущих его оперов.

- Ладно, теперь расскажи про Третьяковку.

Лучко доложил, как еще ночью по горячим следам лично осмотрел место преступления. Дерзостью ограбление ничуть не уступало кремлевскому. Злоумышленники, которых, судя по всему, было двое, срезали решетку и проникли в здание через окно. Найдя то, что искали, они уже покидали галерею, когда их заметил охранник. А скорее всего, преступники засекли его первыми. Иначе он не лежал бы сейчас в морге.

Просмотр материала с камер наблюдения пока особых результатов не принес. Похитители предусмотрительно надели кепки с козырьками и нарочно не поднимали головы, чтобы не быть опознанными.

Перед глазами у капитана встал бесконечный лабиринт коридоров в запасниках Третьяковки и пустое место, оставшееся от образа на осиротевшей стене. Черт возьми, одно дело - украсть живопись и совсем другое - убить человека. Неужели эта изъеденная жучком дощечка того стоила?

Заканчивая доклад, Лучко признал, что совершил ошибку, с самого начала не задержав Пышкина. Тогда, возможно, удалось бы избежать и этого ограбления, и человеческих жертв. Осознав просчет, он еще ночью дал команду взять реставратора. Но опоздал.

- Опоздал, говоришь? В следующий раз потрудись успеть! Свободен, - рявкнул Дед напоследок, махнув на капитана рукой.

Вернувшись в свой кабинет, Лучко запер дверь на ключ и смачно выругался, в сердцах пнув корзину для бумаг. Затем, усевшись в кресло, сложил руки на затылке. Надо хорошенько подумать, как быть дальше.

«Итак, что мы имеем? Две похищенные иконы и один убитый охранник. Это – раз. Побег Пышкина и выговор от Деда. Это – два. Полное отсутствие зацепок. Это – три.

Что теперь? Надо дожидаться ордера, брать бригаду и ехать на квартиру Пышкина. И надеяться на удачу».

Позвонив по номеру, полученному в Третьяковке, Глеб договорился о встрече с Сергеем Лягиным. Узнав о том, что речь идет о «Влахернской иконе Божьей Матери», тот сразу же согласился принять Стольцева у себя дома.

Квартира бывшего реставратора располагалась в обшарпанной с виду сталинке с прекрасным видом на Москву-реку. Внутри же все выглядело так, как и положено выглядеть жилью одинокого пенсионера – старомодным и запущенным.

Передвигался старик с трудом, да и то исключительно с помощью ходунков. Однако, несмотря на преклонный возраст, говорил Сергей Антонович очень живо, сохранив ясный, острый ум.

Как и подобает гостеприимному хозяину, Лягин начал с демонстрации собственной коллекции икон, после чего предложил перейти к чаю. За чаем и сушками выяснилось, что реставратор уже в курсе печальных событий, случившихся в галерее.

– А знаете, я не особенно удивился, когда узнал, что похитили именно «Влахернетиссу».

– Это почему же?

– Дело в том, что с этой иконой уже была связана одна детективная история...

– Неужели? Может быть, расскажете?

– С удовольствием.

Лягин взял с книжной полки внушительных размеров альбом и аккуратно раскрыл на странице с репродукцией Строгановской копии «Влахернской Богоматери» чуть ли не в масштабе 1:1. С трудом найдя место для огромной книги, Лягин торжественно выложил альбом на стол. Подлив чаю гостю и себе и укутавшись в потрепанный плед, он поудобней устроился на диване.

– Начнем с того, что когда в восемьдесят третьем мы обнародовали результаты датирования, коллеги подняли нас на смех. Да мы и сами решили, что это какая-то ошибка. Только подумайте, – и Лягин указал пальцем на репродукцию, – икона, считавшаяся копией кремлевской «Влахернетиссы», сделанной непосредственно накануне ее отправки из Константинополя в Москву и первоначально датированной семнадцатым веком, оказалась настолько старше, что мы трижды проверяли результаты, прежде чем в них поверили. Чудеса да и только.

– И каков же ее возраст?

– По самым осторожным оценкам, самое позднее – седьмой век.

– А по самым смелым?

– Мы определили, что изображение несколько раз врезали в новую доску, что существенно затрудняет точное датирование. Одно дело – определить возраст доски, совсем другое – сделать то же самое с воском. В общем, я тогда предположил, что сама воскомастика еще старше.

– И вам удалось определить насколько?

В ответ реставратор только покачал головой.

– Выходит, это самая древняя икона в России и одна из древнейших в мире? – уточнил Глеб.

– Абсолютно верно.

Повисла пауза. Оба собеседника задумались – похоже, каждый о своем.

– Но я не рассказал самого интересного, – спохватился Лягин. – Во время работы мы применяли мощные трехсотваттные лампы. Становилось очень жарко, мы старались следить за тем, чтобы не повредить изображение. Ну и в какой-то момент зазевались. Воск начал плавиться. Пошел сладковатый запах и легкий дымок. Это было последнее, что я запомнил. Очнулся уже в больнице. Мой напарник – на соседней койке. С тем же диагнозом: острое отравление неизвестной этиологии.

– Думаете, так могли подействовать какие-то древние благовония или испарения от воска?

– Именно это мы тогда и предположили, но...

Реставратор на мгновение задумался, то ли стараясь что-то вспомнить, то ли засомневавшись, стоит ли делиться с гостем посетившей его мыслью. Сделав над собой усилие, он продолжил:

– С тех пор минуло без малого три десятка лет. Поверьте, у меня было время хорошенько подумать. И чем больше я размышлял, тем яснее понимал, что наши предположения насчет той истории были ошибочными.

– И к какому же выводу вы в итоге пришли?

Лягин, казалось опять засомневавшись, нужно или не нужно Стольцеву знать то, что он собирался сказать, снова взял небольшую паузу и отпил чаю из выщербленной кружки.

– Нынче я совершенно уверен, что то происшествие ни в коей мере не было случайностью.

– Боюсь, я не очень понимаю...

– То, что мы тогда испытали на себе в мастерской, более всего похоже на действие какой-то химической мины-ловушки.

– Вы серьезно?

Обнажив давно нуждающиеся в замене протезы, реставратор грустно улыбнулся:

– Какие уж тут шутки.

Снова образовалась пауза. Глеб обдумывал услышанное, а Лягин опять погрузился в воспоминания.

– Так или иначе, – наконец сказал он, – мы нашли, что рельеф иконы составлен из двух частей: нижней, более древней, и верхней, где изображена Богородица. Как я уже говорил, воск – довольно капризный в смысле датирования материал. Я тогда носился с идеей прозондировать икону с помощью бура, но нам так и не позволили этого сделать. Боялись, что Церковь поднимет шум. Так что оставались только неразрушающие методы.

– А просветить чем-нибудь не пробовали?

– Попытались рентгеном, но, поскольку первичный слой тоже представлял собой мягкую воскомастику, это особых результатов не принесло. Получились какие-то размытые контуры, напоминавшие группу из нескольких фигур. Да у нас и аппаратуры стоящей не было, а современных технологий обработки изображения тогда и близко не существовало. Жаль. Нам бы в то время – да сегодняшние возможности...

Лягин опять замолчал. Глеб решил, что пожилой человек устал и хотел бы закругиться.

– Спасибо. Все это крайне интересно.

Стольцев поднялся и уже собирался попрощаться.

– Подождите, это еще не все. Вам подлить чаю?

Как оказалось, хозяин вовсе не собирался так скоро отпускать гостя. Щедро плеснув свежесваренного чая в безразмерные кружки, реставратор снова устроился на диване.

- А еще мы нашли кусок древней ткани... - Лягин явно получал удовольствие от рассказа и, кажется, хотел максимально его растянуть.

- Ткани?

- Да, между слоями воска был тщательно спрятан фрагмент ветхой материи. Вот здесь. - Он снова ткнул пальцем в репродукцию.

- Значит, ткань спрятали еще в момент создания иконы, а не потом?

- Очевидно да. Вообще-то эта икона издревле считалась реликварием. По преданию, там хранился кусок ризы Богоматери.

- А на ваш взгляд? Что там на самом деле могло быть спрятано?

- Трудно сказать. На ткани был смутно виден неясный силуэт и какие-то знаки. И что интересно, силуэт этот очень напоминал то изображение, что мы получили, когда просвечивали икону. В общем, мы в свое время долго ломали над этим головы. И так фотографировали, и сяк. Ничего не поняли.

- А где можно найти снимки?

- Должны быть в архивах. А один я, кстати, оставил себе.

- Можно взглянуть?

Порывшись в набитых бумагами ящиках письменного стола, Лягин извлек потертый желтый конверт.

- Вот, возьмите.

- Не жалко?

– Если я за тридцать лет так и не раскусил эту загадку, на чудо рассчитывать уже не приходится.

Глеб жадно впился глазами в старую фотографию. Реставратор оказался прав – разобрать детали не представлялось возможным. Но, несмотря на это, с первого взгляда становилось понятно, что расплывчатые очертания отнюдь не какое-то грязное пятно или случайная клякса. Нет, изображение, несомненно, было рукотворным.

Глава VII

Как только удалось разгрести все дела в управлении, Лучко снова отправился в Третьяковскую галерею, где у него была назначена очередная встреча с руководителем отдела реставрации древнерусской живописи.

Мария Ильинична, с заметными признаками недосыпа, порядком измученная печальными событиями последних дней, снова покорно проводила капитана туда, где вместо исчезнувшей «Богоматери» на стене осталось едва различимое пятно.

– Я здесь уже в третий раз, а все никак не могу запомнить дорогу.

– И не говорите, сотрудники сами иногда плутают.

– Тем не менее, судя по записям камер наблюдения, преступникам понадобилось всего четыре минуты, чтобы пройти весь этот запутанный коридор, украсть икону и вернуться в противоположный конец здания. Как им это удалось?

– Понятия не имею. А вы намекаете на то, что их мог провести кто-то из наших?

– Нет, камеры бы это зафиксировали. Но ясно одно – без тщательно подготовленной карты отсюда не выберешься.

– Карта? Но ее мог нарисовать кто угодно. Вовсе не обязательно сотрудник моего отдела.

– Возможно, вы и правы. Рано или поздно мы всё узнаем.

Поняв по бледному виду Марии Ильиничны, что последняя фраза прозвучала нечаянной угрозой в ее адрес, Лучко дал себе слово быть аккуратнее в выражениях.

– А как вы думаете, кто мог быть заказчиком?

Мария Ильинична нервно всплеснула руками:

– Но откуда ж мне знать?

– Да вы не волнуйтесь так. Я всего лишь в плане консультации. У нас есть предположение, что в этом деле могут быть замешаны коллекционеры.

– Вполне вероятно.

– А можете рассказать мне о самых известных собирателях?

– Это в первую очередь музеи.

– Думаю, музеи можно смело отбросить. Они вряд ли пошли бы на такое, краденую икону ведь не выставишь, не так ли?

Мария Ильинична кивнула. Лучко продолжил:

– Нет, я говорю о частных коллекциях.

– Собраний икон у нас в стране немало. Да и людей с деньгами тоже.

– Именно поэтому хочется понять, где можно раздобыть самый полный список интересующих меня лиц.

– О, это совсем несложно. Большинство российских коллекционеров, имеющих известные собрания, сейчас представлены в Музее личных коллекций.

– А это где?

Во взгляде Марии Ильиничны отразились недоумение и жалость одновременно.

– Это филиал Музея изящных искусств имени Пушкина. Волхонка, 10. И если вы поедете прямо сейчас, наверняка еще успеете приобрести каталог выставки. По нему и сориентируетесь.

Не в силах вынести Зинины вздохи, Аня решила не сидеть сложа руки. Как обычно устроившись на последнем ряду, подальше от глаз лектора, девушки принялись осторожно перешептываться.

– В принципе, двадцать лет разницы не такой уж и кошмар, – издали начала Аня.

– Ты это о чем?

– А то ты не знаешь?

Зина пожала плечами. Аня еще ближе склонилась к ее уху:

– Я тут читала биографию Пифагора, так он тоже женился на своей студентке.

– Что значит тоже? Не говори глупостей. Можно подумать, на мне кто-то собирается жениться. Да я и сама не рвусь.

– Не перебивай и сосредоточься. – Аня укоризненно ткнула подругу в бок. – Так вот, женился Пифагор, между прочим, в шестьдесят. На очень даже молоденькой ученице по имени Феано, как сказано в энциклопедии, «покорившей сердце мудрого философа своей чистотой, безграничной преданностью и пламенной любовью».

- Если ты намекаешь на мои мифические симпатии к Стольцеву, то... ой!

Получив еще один предупредительный тычок в бок, Зина поняла, что сопротивление бесполезно.

- Я же твоя близкая подруга, - обиженно напомнила Аня.

Спорить с последним аргументом не было никакой возможности, и Зина ограничилась кивком.

- Значит, так. Есть предложение - перевести вопрос в практическую плоскость.

С этими словами Аня извлекла из сумки новенький, еще пахнущий упаковкой телефон. Она обожала всякие гаджеты и стараниями родителей могла позволить себе менять их с поразительной частотой.

- Посмотри, что я тебе нашла!

Потыкав в экран пальцами, Аня с торжествующим видом сунула телефон Зине под нос. Открывшаяся интернет-страница виртуального студенческого форума пестрела многочисленными сообщениями, оставленными посетителями. Заголовок темы форума гласил: «Роман с преподам».

От Лаврушинского до Волхонки было минут пятнадцать-двадцать ходьбы. С удовольствием подставив лицо долгожданному солнцу, Лучко бодро зашагал по набережной, лавируя в потоке держащихся за руки парочек. Создавалось ощущение, что чуть ли не половина влюбленных москвичей, отсидевшись в какой-то невидимой засаде, массово покинули свои укрытия, чтобы первыми поймать скоротечную погожую пору.

Добравшись до цели и предъявив на входе удостоверение, Лучко сразу же отправился за каталогом.

- Почему? - поинтересовался капитан у киоскерши, указывая на интересующее его издание.

– Две пятьсот.

– Две тысячи пятьсот рублей? Вот за эту брошюрку?

Выхода, однако, не было, и капитан, чертыхнувшись, полез за своими кровными, по ходу дела соображая, как бы впоследствии выбить эти деньги из бухгалтерии, да побыстрее.

Для начала он решил немного осмотреться. Последняя засевшая в памяти капитана встреча с иконами случилась еще лет двадцать назад, когда будущий следователь пацаном гостил в деревне у деда с бабкой. После того как бабка вынула из буфета бутылку с самогоном и подала ее гостям, обнаружилось, что вместо вожделенного первача та была заполнена обычной колодезной водой. Страшная в гневе бабка коршуном набросилась на потупившегося деда. Она сунула злосчастную бутылку ему под нос и грозно спросила:

– Поганец, это что?

– Никак чудо? – с трепетом в голосе предположил дед, истово крестясь и указывая прокуренным желтым пальцем на то, что суровый взгляд стоящего на полке Николая Угодника был нацелен точно на шкаф, где хранилась бутылка, подвергшаяся необъяснимой трансформации.

Детские воспоминания капитана были прерваны звонким голосом экскурсовода – тот знакомил очередную группу гостей столицы с шедеврами отечественной иконописи и их непростой историей:

– ...Позиция тогдашних властей по отношению к религии, закрытие многих, если не большинства храмов после хрущевского указа 1963 года, в том числе и в провинциальных городах и удаленных селах, привели к потере огромного числа ценнейших образцов древнерусской живописи...

Капитан невольно вспомнил разоренную церквушку в дедовской деревне с вечно открытыми настежь дверями. На каменном полу тут и там валялись обломки икон, покрытые толстым слоем пыли, голубинового помета, а местами и человеческими экскрементами. А потом в деревню все чаще стали заглядывать какие-то пришлые мужики с безразмерными рюкзаками, и все гниющие иконостасы, а также любая другая уцелевшая церковная утварь враз

испарились.

Экскурсионная группа перебралась в соседний зал. Лучко взглянул на часы. Времени совсем не оставалось, но капитан все же решил осмотреть пару-тройку экспонатов. Он подошел к одному из стендов и почти вплотную придвинул лицо к толстому стеклу, надежно защищавшему хрупкие от старости краски.

Вскинув свои неправдоподобно огромные глаза, святые строго смотрели на следователя с потемневших от времени досок. Они будто знали о судьбе похищенных «Богородиц» и требовали отмщения. Не выдержав немых упреков, капитан поспешил к выходу.

Более всего обнаруженный Аней форум поразил Зину количеством комментариев. Их было около восьмисот. И это число постоянно росло. На глазах девушек пришли еще два сообщения. Точнее, это были комментарии к самому первому письму, подписанному ником «Детка», с которого, собственно, все и началось. Выложенный в Сети крик души выглядел следующим образом:

«Помогите! Я влюбилась в преподавателя. Учусь на втором курсе, мне 19. Ему 35. Умный, невероятно интересный, талантливый, обаятельный. По нему вздыхает полкурса, хотя сам он ни с кем не заигрывает. Я постоянно стараюсь привлечь к себе внимание: рвусь отвечать, вставляю реплики, задаю вопросы, пытаюсь спорить. В итоге он меня запомнил, стал звать по имени, но не более того. А я, представьте, не могу и дня прожить без того, чтобы не услышать его голос, не поймать его взгляд...

Подскажите, что делать? Как обратить на себя внимание? Был ли у кого-то из вас подобный опыт? Чем все закончилось?

Извинитезасбивчивый рассказ, сама не понимаю, что со мной происходит. А я, между прочим, довольно симпатичная, мужчины постоянно оказывают мне знаки внимания. Но кромеэтого человека мне никто не нужен. Умоляю, помогите советом!»

– Это ж прямо про тебя! – с торжествующим видом ткнув пальцем в экран, сказала Аня.

– Скажешь тоже.

– А мне кажется, слово в слово.

С делано безразличным видом Зина как бы невзначай потянулась к телефону подруги:

– И что же бедняжке советуют?

К разочарованию обеих девушек, некстати прозвеневший звонок оборвал назидательное чтение на самом интересном месте.

Уже смеркалось. Однако, несмотря на поздний час, рабочий день судмедэксперта Владислава Семеновича Семенова был в самом разгаре. Будучи «совой», Семеныч, как фамильярно звали его окружающие, нередко задерживался в морге далеко за полночь. Впрочем, особого трудоголизма сам Семенов в этом не видел – ему попросту некуда было спешить. Все лучшее, что случалось в жизни, если, конечно, случалось, происходило именно здесь – в морге.

В отличие от большинства людей, далеких от профессии, ничего зловещего или пугающего в общении с умершими судмедэксперт не видел. Даже наоборот. Семенов был убежден в возвышенности и богоугодности своего труда. Шутка ли, ведь именно морг был последним прибежищем упокоившихся душ, а самому Семенову в этом царстве теней выпадала почетная роль главного распорядителя. Коллеги, для наглядности покручивая пальцем у виска, называли его «первым после Бога». Семенов не особо обижался, а лишь туманно цитировал античную мифологию на соответствующую тему.

Брехливая, хотя и вполне ласковая сучка Сися, на пару с Семеновым охранявшая вечный покой усопших, зашлась лаем.

Ну кого еще там черти носят?

Ночным гостем оказался следователь Лучко.

- Здорово, Семеныч!

- Здравствуй, Витя! Чаю будешь?

Жидкость в замызганной эмалированной кружке, что судмедэксперт радушно предложил Лучко, своей крепостью и процентным содержанием танинов больше подходила для дубления особо жестких сортов кожи, нежели для приема внутрь. «Черный чай должен быть черным!» - любил повторять Семеныч и неукоснительно претворял этот лозунг в жизнь. Прекрасно осведомленный на этот счет Лучко от чая вежливо отказался. Как всегда не особо рассусоливая, он перешел к тому, зачем пришел:

- Скажи, а ты Кулагина уже смотрел? Того, что с ножевым?

Семеныч жестом обвел стол, аккуратно разложенный на нем инструмент и дымящуюся кружку с «чаем».

- Видишь, в процессе.

- Значит, ничем не порадуешь?

- Может, и порадую, но позже, - строго ответил судмедэксперт и выразительно показал глазами на дверь. Он предпочитал работать в одиночку. Ведь мертвые доверяли свои тайны только ему.

- Понял. Скажи, когда заехать.

- Хоть завтра.

Последнюю фразу Семеныч произнес уже сквозь натянутую на лицо маску.

Глава VIII

Если в расписании за дневными лекциями шли еще и вечерние, то преподавателю в промежутке имело смысл основательно подкрепиться. Несмотря на все свое гурманство, Стольцев отнюдь не гнушался университетского общепита, чей относительно щадящий прейскурант приятно контрастировал с безбожной дороговизной окрестных забегаловок. Лучше поесть дешево и невкусно, чем дорого и невкусно, сам себя увещевал в таких случаях Глеб. Разделявший этот практицизм Буре почти всегда составлял Стольцеву компанию. Но иногда, по какому-то особому поводу, они покидали университетский городок и азартно опробовали то одно, то другое близлежащее злачное заведение из тех, что, подобно бабочкам-однодневкам, пачками открывались и почти тут же закрывались, уступая место очередным незадачливым соискателям призрачных мишленовских звезд.

Надо сказать, что бытующее в народе мнение о невысоких доходах преподавателей в общем и целом соответствовало действительности. Так обстояло дело во все времена. Социальный статус педагога никогда не был особенно высоким. Не зря же наши античные предки в случае, если переставали поступать известия о жизни какого-либо человека, говорили о нем, что он «либо умер, либо стал учителем». И тем не менее молва, как всегда, была права лишь отчасти.

Если брать исключительно размер одной только зарплаты, то могло сложиться впечатление, что увешанные научными титулами умники и умницы трудятся сугубо за идею. Однако это было не так. Далеко не все преподаватели были готовы довольствоваться малым. Справедливости ради надо признать, что добрая половина предпочитала отработать от сих до сих, не хватая звезд с неба. Но встречались и такие, кто хотел большего. А возможности финансового благополучия просто витали в воздухе. Кто-то предпочитал тихо-мирно писать учебники и научные монографии, кто-то, закончив лекции, до глубокой ночи бегал по жаждающим поступления абитуриентам, кто-то с увлечением готовил к защите аспирантов – не в этом суть. Главное, что университет давал не чурающемуся тяжелой работы человеку стопроцентный шанс преуспеть. Наименее ленивые преподаватели могли не только позволить себе мелкие радости вроде того, чтобы провести десять зимних дней в Альпах и пятнадцать, а то и все двадцать – на ласковом Средиземноморье, но и всерьез подключались к погоне за куда более основательными потребительскими мечтами – как движимыми, так и недвижимыми. А Буре, регулярно продававший книги

всемирно известным издательствам, тот вообще на прошлой неделе отселил младшую дочь в отдельную квартиру в центре Москвы, даже не взяв кредит в банке. Подобную роскошь вряд ли мог бы себе позволить иной профессор какого-нибудь Гарварда или Йейля.

Собственно, именно это событие и послужило поводом для сегодняшнего похода в только что открывшийся ресторан греческой кухни под названием «Итака». По слухам, в этом концептуальном заведении гостям, по примеру древних, полагалось возлежать на специальных ложах.

– Мне не терпится поделиться с вами новостями, – признался Глеб, откидываясь в положение, более подходящее для сна, чем для трапезы.

Заказав еды и по бокалу вина, они с хохотом выпили за пусть не очень удачную, но все же смелую попытку реконструкции античного застолья. Глеб в нетерпении принялся подробно пересказывать коллеге разговор с реставратором. Буре слушал с большим вниманием, изредка задавая вопросы или вставляя комментарии.

– Одурманивающий эффект? Кто бы мог подумать.

– Да, похоже, икону снабдили чем-то вроде системы защиты от взлома. Только через полторы тысячи лет ее действие несколько ослабло.

– Н-да. Византийские штучки.

– Это еще не все. – Глеб развернул полученную от реставратора фотографию. – По словам Лягина, изображение на спрятанной под воском тряпице очень напоминает картинку, которую они в свое время получили при рентгеновском сканировании.

Буре нацепил очки и склонился над снимком.

– Мне кажется, я могу различить центральную фигуру и еще несколько вокруг.

– И что это, по-вашему?

Борис Михайлович повертел снимок в руках, рассматривая его под разными углами.

– Хм, похоже на Иисуса с апостолами.

– Христос? Но тогда почему его замазали?

Профессор затеребил изящно стриженную клинышком бородку, что было верным признаком волнения.

– Есть у меня на этот счет одно соображеньице.

Сняв очки и воспользовавшись ими наподобие лупы, Буре стал пристально разглядывать какой-то фрагмент изображения.

– А что, если это древняя икона-апокриф? – взволнованно предположил он.

– Но в чем может заключаться ее апокрифичность?

Хитро прищурившись, профессор пожал плечами:

– Мы можем лишь строить гипотезы.

– Какие, например?

– Ну вот так навскидку предположу, что на иконе может быть изображено не совсем каноническое число апостолов.

Вновь склонившись над фото, Буре вскоре опять принялся почесывать бородку.

– А может быть, цвет кожи Христа? Только представьте, какой бы это вызвало резонанс, – заговорщицким тоном предположил профессор. – Да, батенька, вам предстоит раскусить прелюбопытнейшую загадку, ничего не скажешь. – Оставив наконец бороду в покое, Борис Михайлович переключился на узел своего галстука-«аскота». – Помните перекочевавшее в латынь греческое слово «энигматист»?

Глеб кивнул:

– Разумеется. Так называли того, кто либо загадывает, либо разгадывает загадки.

– Совершенно верно. Так вот, мой друг, отныне в связи со всей этой более чем запутанной историей с похищенными иконами, думаю, будет вполне справедливо величать этим древним словом вас.

– Энигматист, говорите? Хм, почему бы и нет. Я ведь обожаю всякие загадки да головоломки.

– И не вы один, – со значением констатировал профессор, точными, выверенными движениями разделявая рыбу.

Клятвенно пообещав держать Бориса Михайловича в курсе любых новостей касательно исчезнувших икон, Глеб тоже взялся за вилку и нож.

Меню, несмотря на античный антураж заведения, как ни странно, оказалось довольно современным, что, несомненно, стоило бы отнести к недоработкам учредителей. Стольцев и Буре, одинаково помешанные на изучении рецептов древней кухни – увлечении, которое они промеш собой называли палеокулинарией, – уже бывали в парочке мест, где можно было не только погрузиться в античную атмосферу, но и отведать соответствующие блюда.

Борис Михайлович наиболее любопытным из подобных заведений назвал афинский «Археон-Гевсис», где помимо сидячих мест тоже имелся зал для еды лежа. Но главной достопримечательностью этого ресторана он считал отменную еду.

Глеб, в свою очередь, припомнил римский ресторан, предлагавший банкетное обслуживание, имитирующее древнеримские пиры. Как-то по окончании симпозиума организаторы пригласили его на тематическую вечеринку, где накрытые среди величественных римских развалин столы ломались от любимых яств Цезаря, Катона и Ювенала. И хотя далеко не все археоблюда имели изысканный с современной точки зрения вкус, тот пир остался в памяти Глеба одним из самых любопытных застолий из всех, что ему удалось когда-либо посетить.

Впрочем, что в Риме, что в Афинах меню было порядком «причесано» в соответствии как с гастрономическими, так и этическими воззрениями сегодняшнего дня. Буре же и Стольцев, напротив, были ярыми поборниками чистоты жанра и пытались в домашних условиях экспериментальным путем воссоздать как можно более аутентичные рецепты. А ведь не каждый, кто вступал на шаткую стезю палеокулинарии, был способен дойти до конца. Часть заветов, оставшихся нам от античных поваров, выглядели как минимум спорными и отдавали кулинарным экстремизмом. Взять хотя бы жареные соловьиные языки или запеченные вульвы свиньи.

В доказательство своего умозрительного тезиса Глеб мысленно разложил запеченные вульвы по тарелкам. Как и следовало ожидать, вышло не особенно аппетитно.

Мерный стук вилки и ножа Буре вернул Глеба к действительности. Он дожеввал резинового на вкус кролика, лишний раз убеждаясь в том, что, как и абсолютное большинство остальных столичных ресторанов, «Итака», выбирая, чем впечатлить избалованного посетителя – по-настоящему вкусной едой или оригинальностью интерьера, – опрометчиво склонилась к последнему. Нет, Улисс сюда больше не вернется.

Продолжая прокручивать в голове детали разговора с Марией Ильиничной, Лучко внутренне согласился с тем, что точную карту маршрута для воров в принципе мог изготовить любой посетитель, единожды пройдя по извилистым коридорам запасников галереи с миниатюрной видеокамерой. Так что в этом смысле она права. Составитель карты мог не иметь к Третьяковке никакого отношения. Но он уж точно должен быть как-то связан с русским искусством. Допуск в запасники обычно получают только специалисты да журналисты. Надо будет проверить и эту последнюю версию насчет представителей СМИ.

Кстати, автором карты мог запросто оказаться и Пушкин. Он наверняка неоднократно здесь бывал. Интересно, какое еще отношение ко всему этому он имеет? Так или иначе, ордер на обыск уже получен. Завтра утром и узнаем.

Несмотря на усталость, под конец дня капитан все-таки решил снова заехать в морг. Нейтрализовав вечно беременную Сисю заранее приготовленным угощением, капитан беспрепятственно прошел внутрь. Увлеченно похрустывая отступным, собачонка так ни разу и не гавкнула.

Колдовавший над очередным телом Семеныч хмуро поинтересовался:

- От Сиськи-то чем откупился?

- Косточкой, - чистосердечно признался следователь.

- Ладно, проходи, садись.

Сделав небольшой перерыв и заварив свой фирменный «чай», Семеныч затянулся сигаретой.

Лучко заерзал на стуле.

- Ну, что ты мне расскажешь?

Судмедэксперт задумчиво выпустил нешуточный клуб дыма и, казалось, от души любовался своим произведением, с интересом наблюдая за тем, как рассеивается причудливое облачко.

- Толком не за что зацепиться, - до конца насладившись таинством исчезновения дыма, констатировал судмедэксперт.

- И все-таки?

Семеныч потянулся за отчетом и надел очки.

- Колото-резаная рана, следствие удара острым предметом. Судя по выраженному осаднению нижнего края, удар наносился под острым углом, снизу вверх. Раневой канал глубокий, соответствует длине лезвия более двадцати сантиметров...

- Двадцати?

Лучко для наглядности развел ладони.

- Недетский ножичек, - согласился Семеныч.

- Угу. А причина смерти?

- Острая потеря крови.

- Ладно. Что еще?

- Если обычно у ножей хорошо заточенное острие и тупой обух, то данное орудие убийства было обоюдоострым.

- Как кинжал?

- Я бы сказал, как некоторые кинжалы. Далеко не все из них затачиваются с обеих сторон.

Небрежно стряхнув с сигареты пепел, Семеныч снова глубоко выдохнул и какое-то время любовался поставленной дымовой завесой.

- Да, есть еще кое-что. В нижней части раны видна небольшая ссадина, скорее всего, оставленная перекрестием.

- То есть воткнул так воткнул, по самую рукоятку?

- Я не к тому. Несмотря на острый угол, под которым был нанесен удар, очевидно, что перекрестие имеет несимметричную форму, а это относительная редкость для обоюдоострого оружия.

- Какие будут предположения?

Семеныч отхлебнул из кружки:

– В самом начале моей карьеры я, как ты знаешь, был хирургом. И по распределению попал не куда-нибудь, а во Владивосток. Так вот, по большим государственным праздникам, а также в дни возвращения тихоокеанских флотилий из походов моряки обычно давали себе волю после многомесячного сухого закона на корабле. Это неизбежно приводило к конфликтам, которые пьяные офицеры иногда пытались решать при помощи табельного оружия.

– Думаешь, кортик?

– Очень похоже.

Выйдя из морга и набрав в легкие свежий воздух, капитан серийно расчихался. Так происходило всегда, когда в мае зацветала какая-то вредная для его организма гадость.

Поскольку врачи так и не сумели выделить подлый аллерген, Лучко уже не первый год вел самостоятельное расследование. Будучи профессионалом, он подошел к проблеме по всем правилам сыскного дела. Постепенно сужая круг подозреваемых, капитан надеялся рано или поздно вычислить злодея. Косо поглядев на одуванчики, будто притаившиеся в засаде и только и ждущие, чтобы, словно гранатами, забросать пылью беспечных пешеходов, он отправился на стоянку, продолжая размышлять о результатах вскрытия.

Кортик? Хрупкое, тонкое лезвие, неудобная рукоять. Очень странный выбор. Но Семенычу можно верить. Помимо огромного опыта, судмедэксперт обладал врожденным чутьем. Хм, выходит, оружие офицера? Хотя нынче при желании можно купить все что угодно. Главное – знать где.

Сделав пометку в ежедневнике – не забыть пробить по базе все происшествия, в которых фигурируют кортики, – и аккуратно сложив на заднем сиденье пиджак, Лучко вырулил со стоянки и, влившись в автопоток, медленно поехал по цветущему бульвару.

Снова чихнув, капитан плотно прикрыл окно и с подозрением посмотрел на усыпанную сережками ольху. Та вся затрепетала – то ли от тяжелого взгляда, то ли от внезапно налетевшего ветерка.

Глава IX

По просьбе Лучко Глеб отправился в сторону метро «Аэропорт» по указанному в эсэмэске адресу: Эльдорадовский переулок, дом 5. Следователь уже ждал его у подъезда.

– А ты, небось, и не знал, что в Москве есть такая улица? – вместо приветствия поинтересовался капитан.

– Если честно, не знал. Ну и как? Название себя оправдало? Нашел сокровище?

– К сожалению, нет. Хотя очень рассчитывал. Здесь жил реставратор Пышкин, которого мы подозреваем в соучастии в похищении икон. Ему кто-то звонил, находясь недалеко от Кремля, в день и час похищения иконы. С того же анонимного номера ему звонили и в ночь ограбления Третьяковской галереи.

– А где же сам хозяин?

– Пустился в бега. Ищем. Но ты проходи, осматривайся. После переговоров.

В квартире было полно народу: деловито и методично ведущие досмотр оперативники, обвешенный камерами фотограф и неловко переминающиеся с ноги на ногу понятые.

Чтобы никому не мешать, Стольцев отошел в сторонку и принялся разглядывать библиотеку. Затем его внимание привлек письменный стол. Он был доверху завален книгами, некоторые из которых были Глебу хорошо знакомы. Он сразу же узнал обложку редкого нынче издания «Естественной истории» Плиния Старшего.

– Судя по частицам краски, по крайней мере одна из украденных икон какое-то время находилась здесь, – сообщил Лучко, входя в комнату.

– А где же она теперь?

– Хороший вопрос.

– Я могу чем-то помочь?

– Ага. Советом. Подойди-ка, я тебе кое-что покажу.

Капитан жестом циркового иллюзиониста сдернул пластиковый чехол с возвышающейся в углу конструкции:

– Что это, по-твоему?

– Какой-нибудь навороченный сканер?

– Почти. Это рентгенограф.

– Рентген?

– Ага. Как думаешь, зачем вору, укравшему древнюю икону, понадобилось просвечивать ее рентгеновскими лучами?

– Может быть, для подтверждения подлинности?

– Допустим. А еще версии есть?

– Что, если этот аппарат вообще никак не связан с пропавшей иконой?

– То есть ты полагаешь, что хозяин просто подрабатывал рентгенологом-надомником? А вот и нет. Мы уже пробили серийный номер устройства. Его взяли в аренду за сутки до похищения кремлевской «Богоматери».

Глеб задумался.

– А что, если преступники ищут способ разобрать «Влахернетиссу» на части? Скажем, для облегчения транспортировки. Но при этом хотят быть уверенными, что сделают это с минимальными потерями.

– Разобрать на части? – заволновался Лучко. – По-твоему, такое возможно?

– Думаю, да. Иконы обычно клеили из нескольких досок, и рентген по идее должен показать, где находятся швы. А дальше уже дело техники – отделить восковое изображение от оклада не составит большого труда.

Капитан только чертыхнулся в ответ.

Лучко до позднего вечера все продолжал прокручивать в памяти последние события. И так, украли вторую «Богородицу», в свое время привезенную одновременно с первой. Зачем? Кто-то убедился, что украл не то, что надо, и решил исправить ошибку? И для этого был нужен рентген? Или кому-то изначально понадобились сразу обе Влахернские иконы? Но кому и для чего? Возможно, речь идет о каком-то сумасшедшем коллекционере, любой ценой желающем заполучить образа в личную собственность. Неужели одержимость искусством может настолько пересилить инстинкт самосохранения? Или этот человек и впрямь надеется уйти от наказания после того, как покусился на святая святых – коллекции Кремля и Третьяковской галереи? Если так, то он полный псих.

«А что у нас с Пышкиным? Судя по всему, реставратор исчез сразу после ограбления. Соседка из квартиры напротив показала, что слышала, как кто-то посреди ночи долго звонил в дверь Пышкина, но хозяин так и не открыл. Видимо, уже находился в бегах. Не исключено, что вторую икону тоже должны были привезти к нему, однако все, похоже, пошло не по плану. Возможно, узнав о том, что ограбление закончилось убийством, реставратор решил выйти из игры и дать деру. Но куда?»

Поразмыслив еще, капитан решил, что ему ничего не остается, как только продолжать перетряхивать всех мало-мальски известных собирателей, перечисленных в каталоге Музея личных коллекций. Вдруг что-нибудь всплывет. Но самое главное – найти Пышкина. Он – ключ к разгадке. Только вот где же его искать?

Вспомнив о предположении судмедэксперта, Лучко заинтересовался, нет ли в базе данных каких-либо упоминаний насчет кортиков. Для начала на экране появилось жуткое описание двойного убийства, совершенного в Мурманске.

Военный моряк зарезал кортиком жену и ее любовника, нанеся обоим в общей сложности несколько десятков ножевых ранений. В памяти сразу всплыли слова Семеныча о регулярной для портового города поножовщине.

Затем компьютер выдал информацию о раскрытии давнего дела об убийстве ветерана войны. Похищенный у него кортик засветился в антикварном магазине и в итоге привел к задержанию особо опасного преступника-рецидивиста. К огорчению капитана, никакими данными о других кортиках компьютер не располагал. Похоже, очередной тупик.

Лучко машинально повернул голову в сторону начальственного кабинета. Дело об иконах, как прежде, стояло на месте. И это не могло укрыться от всевидящего ока Деда. А завтра на доклад.

По совету Буре, Глеб решил поговорить с истинным экспертом по части чудотворных образов и вместе с Борисом Михайловичем отправился на философско-богословский факультет Православного университета, к его декану протодьякону Алексею Терехову.

Терехов, еще в советское время окончивший философский факультет МГУ по кафедре истории и теории научного атеизма, настолько близко к сердцу принял догмы, к непримиримой борьбе с которыми его готовили, что уже через год после получения диплома продолжил профильное обучение, но уже на другой стороне баррикады, с блеском окончив сначала духовную семинарию, а потом и академию.

Деканат Свято-Тихоновского университета удобно располагался в самом центре, рядом с «Новокузнецкой». Улыбающийся сквозь кустистую бороду Терехов встретил гостей в вестибюле. Он тут же кинулся трясти руку Буре. Как выяснилось, Борис Михайлович когда-то читал нынешнему доктору теологии лекции об античных мыслителях.

– Между прочим, около ста наших преподавателей тоже выпускники МГУ, – гордо сообщил протодьякон. – Так что чувствуйте себя как дома.

Заранее зная причину визита, Терехов пригласил на встречу протоиерея Василия Семина, декана факультета с несколько игривым для непосвященного уха названием «Церковные художества». Впрочем, за несерьезной с виду вывеской

стояли более чем авторитетные специалисты в области иконописи и реставрации.

Все участники разговора устроились в кабинете протодьякона, имевшем вполне мирской вид: от парадного портрета президента до целой кучи офисных кресел на колесиках. Глеб извлек из портфеля распечатки с фотографиями похищенных святынь. Терехов и Семин синхронно перекрестились.

– Для начала нам хотелось бы понять художественную и историческую ценность утраченных икон, – пояснил Глеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Клин клином выбивают (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/krupenin_artur/enigmatist-delo-o-bozh-ey-materi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)